

**Андрей
Битов
Первая
книга
автора**

**(Аптекарский)
проспект, 6**

**Прочие
книги
автора**

Большой шар. Л., 1963
Такое долгое детство. Л., 1965
L'Herbe et seil. Paris, 1965

Дачная местность. М., 1967
Путешествие к другу детства. Л., 1968
Аптекарский остров. Л., 1968
Arteekrisaar. Tallinn, 1971
Penelope. Прага, 1972
Образ жизни. М., 1972
Семь путешествий. Л., 1976
Дни человека. М., 1976
Уроки Армении. Ереван, 1978
Erdö. Budapest, 1978
Пушкинский дом. Анн Арбор, 1978
В четверг и больше никогда. М., 1978
Воскресный день. М., 1980
Die Rolle. München, 1980
Návrát mámotratného syna. Bratislava, 1982
Pusjkins hus. Stockholm, 1982

.....
Грузинский альбом. Тбилиси, 1985

Книга путешествий. М., 1986

Три путешествия. Нью-Йорк, 1986

Life in Windy Weather.

Ann Arbor, 1986

Статьи из романа. М., 1986

Человек в пейзаже. М., 1988

Fugle... Århus, 1988

Последняя повесть. М., 1988

Повести и рассказы. М., 1989

La Maison Poushkine. Paris, 1989

Пушкинский дом. М., 1989

Пушкин за границей (совместно
с Р. Габриадзе). Париж, 1989

Улетающий Монахов. М., 1990

Пушкинский дом. М., 1990

Трудолюбивый Пушкин (совместно
с Р. Габриадзе). М., 1991

Собрание сочинений. Т. 1. М., 1991

Жизнь в ветреную погоду. Л., 1991

Мы проснулись в незнакомой стране. Л., 1991

**Андрей
Битов
Первая
книга
автора**

1

**Андрей
Битов**

**Первая
книга
автора**

(Аптекарский проспект, 6)

**Издательство
Ивана Лимбаха
Санкт-Петербург
1996**

- © А. Г. Битов, 1996
© Д. М. Плаксин, С. Д. Плаксин,
художественное оформление,
макет, 1996
© Издательство Ивана Лимбаха, 1996

В оформлении
использована
графика Резо Габриадзе

ISBN 5-89059-003-0

Автобиография Это теперь я утверждаю, что родился в Ленинграде в том самом тридцать седьмом, в потомственной петербургской семье, что первое мое воспоминание — блокада, затем сталинская школа и первое прозрение в пятьдесят шестом — дитя «оттепели».

С одной стороны — все это факты, с другой — ничего похожего.

Жизнь и память — различного состава, тем более, когда память склеротически подменяется оценкой.

Значит, так. Я, по-видимому, родился, раз я есть до сих пор, но когда и где — ни малейшего представления. Родители мои появились позже меня и то сначала довольно смутно и изредка, и лишь потом, уже в школе, возникли в обязательном порядке. Детство как детство, после войны — уже лафа (что-то вроде кайфа в переводе на язык современности). Помню по лестнице древнего профессора Вишнякова, богача (золотые зубы) и вредителя (звал нас бандитами за наши веселые послевоенные забавы); помню, улица вся в траурных флагах, я ему говорю «Калинин умер», а он мне «Туда ему и дорога — козел» (это сейчас у меня здесь, по смыслу, тире, а тогда была запятая). Помню лесозащитные желуди собирали, а я екатерининский пятак вырыл — целую пятилетку после этого монетки собирал, не мог остановиться. Помню, мне

уже лет четырнадцать стало, лежу на пляже, рядом со мной незнакомый старший парень бицепсами поигрывает, а я смотрю с завистью: «Что, нравится?» — спрашивает он. «Нравится». — «Хочешь такие же?» — «Хочу». — «Тогда бегай». Я последовал его совету и еще одну пятилетку пробегал (знал бы я, что занимаюсь «боди-билдингом...»). Больших успехов достиг: на одной руке стоял, шпагат (почему-то женский) делал, мостик (зубами платок с полу подымал), — и вот выхожу я в таком виде, шея шире плеч, осенью пятьдесят шестого из кинотеатра «Великан», где внезапно показали «Дорогу» Феллини, — совершенно потрясенный, не зная, куда всю эту силу деть, а мне навстречу мой сокурсник Яша Виньковецкий. Никогда не забуду его взгляд, когда я ему про искусство Феллини стал рассказывать! Никакие мои последующие свершения не вызывали ни у кого такого же удивления. Так сильно он меня уважал за мою бездумную силу, что мысли в моей голове не допускал. Потрясенный моей неполной дебильностью, решил он продемонстрировать ее своим друзьям по литературному объединению нашего Горного института.

Так все и началось — скоро семь пятилеток этому нездоровому увлечению.

Чтобы задержаться среди наконец обретенных друзей, вынужден я был писать стихи, так что переход на прозу два года спустя вызвал у меня вздох облегчения.

Рассказы писать проще, чем стихи, вот что я обнаружил!

Тогда еще никого не печатали, и мы публиковались, читая друг другу вслух. Одно дело читать вслух стихи,

другое — прозу. Я боялся вызвать скуку, вот отчего эти рассказы такие короткие.

Короткие они еще и потому, что единственный живой гений в прозе тех лет, соответственно и кумир, был Виктор Голявкин. Как он божественно краток!

Я и сейчас полагаю, что Голявкин — гений, и лишь извечная московская несправедливость к Ленинграду привела к тому, что это сегодня не всем известно.

Я писал короткие рассказы сотнями, пытаюсь постичь его тайну, пока с огорчением не постиг, что гений — и есть тайна. С тех пор я пишу длиннее, предав забвению ранние опыты. Каково же было мое удивление, когда двадцать лет спустя некоторые из этих рассказиков стали появляться в эмигрантской прессе. Их вывезли друзья моей юности, в том числе и Яша Виньковецкий захватил как воспоминание детства.

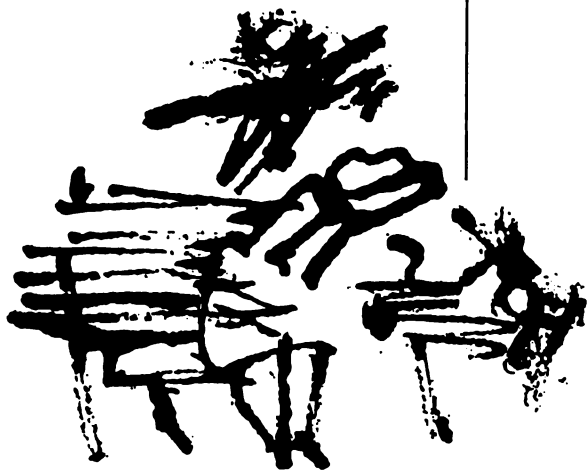
Этот факт заставил меня тогда же, в 1980 году, перетрясти свой архив и извлечь этот немислимый ворох. Преследование возрастало вместе с манией и, опасаясь беспорядочности посмертных публикаций, отложил я четверть вот в эту подборку, чтобы в нее не затесались рассказы еще более случайные.

Вроде я не умер, но возможности перемещений и публикаций, возникшие для меня в связи с перестройкой и гласностью, парадоксально совпадают с посмертием, такая «жизнь после жизни».

Яша же Виньковецкий не стал жить после жизни, своей волею оборвав такую возможность. Он ничего этого не знает, про гласность и перестройку.

Светлой его памяти посвящаю я эту посмертную публикацию.

**Из цикла
«Люди,
которые...»**

**Точка. Точка. Запятая.
Минус. Рожица кривая.
Ручки. Ножки. Огуречик.
Вот и вышел человечек.**

Присказка

Люди, побрившиеся в субботу

Рано утром.

Мужчины, побрившиеся в субботу, ждали троллейбус. Над женщинами торчали зонтики. От дождя у мужчин поднялись воротники, а по спинам скатывались серые капли. Шляпы уныло опустили крылья. Передо мной стояли спины с опущенными руками, и на спинах был понедельник.

Подошел троллейбус. Он должен был перевезти этих людей окончательно из воскресенья в понедельник. На лице у троллейбуса была тупость работающего без воскресений. Один за другим пропадали в нем шляпы с опущенными крыльями и женщины вперед зонтиками.

Двери захлопнулись и выдавили меня внутрь. Я уперся носом в одну из спин, стоящую на ступеньку выше. Она пахла сыростью. Над спиной была шляпа, и с нее стало капать мне на нос. Я постучался в спину и сказал:

— Гражданин, у меня нет зонтика, чтобы спрятаться от вашей шляпы.

Под шляпой оказалось молодое лицо, на котором еще сохранилось воскресенье. Оно улыбнулось:

— Извините.

Молодой человек снял шляпу и аккуратно вылил воду из тульи. Вода попала в туфлю рядом стоящей женщины.

— Не умеете обращаться со шляпой, так не носите! — возмутилась она.

Молодой человек смутился и стряхнул на меня оставшиеся капли.

«В субботу была баня...», — подумалось мне.

Ехать было далеко, за окном был дождь и туман, и я стал смотреть на лица. На них был тоже понедельник, такой же, как на спинах. Приглядевшись, я открыл и несколько другие лица.

Оживленно делились чем-то две девушки, рассеянно и глупо рассмеялся сам по себе сосед — на их лицах доживало воскресенье. Про некоторых можно было сказать, что у них на лицах была суббота, а воскресенье было отдыхом от субботы.

Понедельники ни на кого не смотрели.

Воскресенья смотрели, но не очень видели, словно издалека.

И лишь субботы, казалось, видели и понимали происходящее.

На одной из остановок в троллейбусе появилась старушка. На лице ее не сохранилось никаких дней недели, а был какой-то общий, длинный и последний день. И было странно, зачем она сюда попала. Она вошла с передней площадки, прижимая стул к груди. Стульчик был маленький, детский, но у него было уже четыре ножки. Они воткнулись в ноги, и получился шум, суতোлока. Кричали в основном понедельники. Кричали о том, что неприлично лезть со стулом в троллейбус, что со стульями надо в трамвае, что вообще с мебелью надо в грузотакси, что и так сесть негде, а она со стулом, что и так все

едут на работу. Старушка испуганно обнимала стул и беззвучно жевала жалкие слова.

Она вышла, а в троллейбусе, до нее молчаливом, сохранился гул. Рядом со мной что-то говорили, что чего-то стало вовсе не достать, а что-то стоит невозможно дорого, что в детском саду дурные воспитатели и что еще надо кормить мать... А кто-то обругал кондуктора в том смысле, что безобразия, что по утрам, когда всем ехать на работу, так долго нет машины; мол, зачем она открывает двери всяким со стульями и что еще не хватает, чтобы влезли со столом. А кондуктор говорил, что не она открывает двери и составляет график, что она на работе и чтоб к ней не лезли всякие.

Потом случилась женщина: подъезжая, мы забрызгали ей чулки. Она этого так не оставила и записала номер кондуктора.

Вошел пьяный, в лице которого была ночь с воскресенья на понедельник. А кондукторша, у которой еще и вовсе не было воскресенья, стала требовать с него за проезд. А он, катая голову по плечам, просил ее не беспокоиться. А она стояла над ним и требовала, потому что у нее еще будет воскресенье, когда она ни с кого не будет требовать.

И кондукторша наконец стала на него кричать, что все они такие, что пропьют все на свете, а женщины маются, что сегодня на работу, а он, видите, с утра пораньше.

На лице пьяного смешались все недели, и он что-то бормотал про то, что он хороший рабочий и что ничего в том плохого, что рабочий человек один раз выпьет. И

наконец поняв, что требует от него эта женщина, стал бессмысленно рыться в карманах, засовывая в них руки чуть не по локоть. Но устал.

— Опять плати... Жи-и-изнь... — протянул он и приткнул свою вращающуюся голову на плечо соседке. Та брезгливо стряхнула голову с плеча и встала. Он свалился на сиденье и уснул окончательно.

«В субботу тоже была выпивка... после бани», — подумалось мне.

Скучным голосом объявил кондуктор мою остановку. Это была конечная остановка. И люди, вымывшиеся и побрившиеся в субботу, ошетилив воротники и зонтики, вышли из машины.

Я присоединился к толпе спин и, с общим потоком, попал в стремнину заводских ворот.

Октябрь, 1958

Люди, которых я не знаю

Тихая у нас улица... Совсем рядом гудит туго натянутая магистраль: автобусы, люди, люди, машины. А здесь — тихо. Речка без набережной. Мост деревянный. А все остальное — сад. И мой дом. Очень спокойный дом. Все окна у него разной формы, и это мне особенно нравится. Проходя мимо дома, мне всегда хочется пожить в угловой мансарде.

Мои окна выходят во двор.

Если пройти по лестнице, то почти на каждой двери будет медная дощечка — профессор такой-то. Очень много профессоров по нашей лестнице. Тихие старики.

Внизу магазин — тоже очень тихий. Покупателей мало, и все друг друга знают. Вот, кассирша — она тоже живет по нашей лестнице.

На скамеечке у входа в магазин согнувшись сидит женщина. Тихо, очень неподвижно сидит эта женщина. Пятнадцать лет сидит она на этой скамеечке. Сначала молодая — худенькая, в нарядном ситчике, с короткими прямыми волосами. Она сидела на этой скамеечке в любую погоду. Иногда к ней подсаживались дворники, и иногда она исчезала куда-то.

У нее странный взгляд — кажется, никто не попадает в него.

Иногда она смеется. Такая у нее сипотца.

Может, она и не всегда сидела на этой скамейке.

Она сидела и сидела — и день, и два, и год, и другой, и потом еще год, а я, как-то странно, замечал ее только вдруг. Однажды я вдруг заметил, что она очень похудела. Потом очень посидела — тоже вдруг. Потом она надела коричневое мужское пальто. Теперь она всегда сидит в этом пальто.

Внезапно согнулась ее спина.

И вся она, сжавшись, сидит сейчас на скамейке.

Я прошел в магазин. За прилавком девочка — это новенькая. Милая. Второй раз я захожу в магазин, и она за прилавком. Смущается, когда я подхожу к ней с чеком.

Очень миленькая девочка. Да-а-а...

Тихая у нас улица.

Когда я выходил из магазина, туда прошел тоже странный человечек. Он живет напротив. Он всегда в шляпе и с портфелем. Мы часто едем вместе в автобусе. Все кондуктора его знают. Встречаясь со мной, он говорит:

— Приятно видеть молодость! При этом,

Лишь только посмотрю, я становлюсь поэтом.

Впервые я столкнулся с ним на автобусной остановке. Я направлялся в ателье, и у меня на руке повисло пальто. Впереди стоял человечек с портфелем и в шляпе. Несколько раз он оборачивался и с интересом посматривал на меня.

— Почему на вас второе пальто? — спросил он наконец.

— Это мое пальто, — сказал я.

— Я увидел на вас второе пальто.
И сразу подумал: здесь что-то не то...

— В чем дело?! — сказал я.

— Дело в том, что нынче лето...

А вы, что, не слышали об этом?

В очереди смеялись.

— На мне первое, — сказал я. — Не приставайте.

— Зачем ко мне вы, юноша, придрались?

Вы, может быть, в Америку собрались?

Мы поговорили.

— Родные все зовут меня поэтом,

А я не чувствую себя при этом, — сообщил он мне.

И звал к себе.

Вот он-то и прошел в магазин, когда я вышел.

Интересно, что он еще может мне сказать?

Я вспомнил, что могу еще купить сигарет, и вернулся за ними в магазин. Девочка за прилавком снова смутилась. Я встал в очередь за человеком с портфелем. Тут в магазин прошла девушка со стеклянным глазом. Она тоже из нашего дома. Она всегда старается быть нарядной. Она встала за мной. Бабы в очереди посмотрели на нее и зашушукались.

С этой девушкой я знаком немного. Вернее, я был знаком с ее подругой, и они пришли однажды вместе в нашу компанию. В тот вечер все разбрелись парами по комнатам, а она сидела одна в гостиной, и ее стеклянный глаз удивлялся.

Теперь я иногда вижу ее сидящей на скамейке около магазина.

Худенькая, с короткими прямыми волосами, в веселом ситчике, сидит она рядом с женщиной в коричневом мужском пальто.

Девушка встала за мной, и я поздоровался с нею.

Девочка за прилавком странно на меня посмотрела.

Бабы в очереди зашикали:

— И не стыдно!.. Прямо в очереди!..

— Что вы?.. Что вы! — отмахнулась девушка в веселом ситчике. — Это просто знакомый.

— Пачку сигарет! — крикнул я на девочку за прилавком.

— Когда я вижу юности приметы,

Тогда невольно становлюсь поэтом, — сказал человек с портфелем.

— При этом, при этом! — рассердился я.

И выскочил из магазина. С удовольствием вдохнул воздух и закурил.

Подошла толстая дворничиха. Поставила около скамейки метлу, бросила совок. Села рядом с женщиной в коричневом мужском пальто.

— Что это ты, Машка, грустная такая? — засмеялась она. — Вон, смотри, молодой человек, — кивнула она на меня.

Женщина сидела, положив локти на колени, а голову на ладони, смотрела вперед, и ничего не попадало в ее взгляд.

— Что ж ты молчишь! — толкнула ее дворничиха.

Женщина деревянно покачнулась и завалилась набок, нелепо задрал стоптанные башмаки.

Из цикла

«Люди, которые...»

— А-а-а-а! — закричала дворничиха. — Машка! Машка! Дядя Миша! Дядя Миша!

Из сапожной будки вылез дядя Миша, квартальный милиционер, степенный и усатый. За ним вылез ассириец, усатый и степенный.

Из магазина высыпали бабы.

— Жалость-то какая... — сказал кто-то из них.

— Тетя Маша! Тетя Маша! — закричала девушка в веселом ситчике.

— Уснуть... И видеть сны, — сказал человек с портфелем.

Да-а... — сказал дядя Миша и стал звонить по телефону.

Сентябрь, 1959

Голубая кровь

«Интересный дядя! — подумал я. — Керенский-Врангель-Коненков...»

Интересный дядя стоял в подворотне.

Седые усы серебрянными ложками изгибались по щекам. Трость. Корректное пальто. Выдержанное, достойное лицо.

«Джентльмен. Аристократ. Комильфо».

Я смотрел на него вежливо и с интересом, стараясь, чтоб не вышло нагло. И в это время входил в подворотню.

Он тоже смотрел на меня.

«Чувствует породу... — думал я. Теперь ее мало. Приятно увидеть ее в молодом. Так настоящая женщина чувствует настоящую женщину».

Я разделился, забежал на место дяди и посмотрел на себя, входящего в подворотню...

«Так себе. Ничего. Просто прелесть!»

Дядя сделал сдержанные полшага в мою сторону. Два пальца сжали поля шляпы. Легкий поклон.

— Извините, пожалуйста... — говорит он поставленным голосом.

— Нет, что вы, что вы... — говорю я и тоже кланяюсь. Только шапка у меня меховая и полей нет... Я делаю полшага в сторону, чтобы обойти дядю.

Дядя делает полшага ко мне:

Из цикла

«Люди, которые...»

- Извините, пожалуйста...
- Пожалуйста-пожалуйста... — говорю я.
- И стараюсь протиснуться между дядей и стенкой.
- Дядя прижимает меня к стенке:
- Вы не скажете, где квартира такая-то?
- Ах... — говорю я. — Я из этой квартиры. Пойдемте со мной.
- Там живет профессор Роттенбург?
- Я его племянник.
- Ах, вот как... — говорит старик. — Значит, он ваш дядя? Очень рад.
- Мы пожимаем руки. И идем вместе.
- А как здоровье вашего дяди?
- Ничего, — говорю я, — хорошо здоровье. Недавно, было, заболел, но все в порядке.
- Так что ваш дядя в пор... то есть здоров?
- В совершенном порядке.
- Так вы говорите, он сейчас дома?
- Он всегда в это время дома, — говорю я.
- Приятно видеть такого молодого человека, как вы.
- Ах, теперь не та молодежь...
- Я потупляюсь. Только скромность не позволяет мне согласиться. Он должен оценить это.
- Опять лифт не работает, — говорю я.
- А какой этаж?
- Пятый.
- Ох, — говорит дядя, — чего же он не работает?
- Разве ж теперь обслуживают?.. — скорбно замечаю я.

Дядя светски раздвигает усы в улыбку.

Мы поднимаемся рядом. На площадках я пропускаю дядю вперед. Ему тяжело. Усы шевелятся по щекам.

— Извините, — говорит он и передыхает. На лице у него достоинство и виноватость. Он пыхтит.

— Ничего, я не спешу, — говорю я.

«Славный, красивый старик, — думаю. — Таких теперь уже мало. Старой закваски».

— А вы чем занимаетесь? Работаете или учитесь? — спрашивает дядя. — Если, конечно, вы ничего не имеете против такого вопроса.

— Нет, что вы, — говорю я, — учусь.

— Это замечательно, это хорошо, это изумительно — учиться, — говорит старик. — Ваш дядя — прекрасный пример. Наука требует от человека всей его жизни...

Он смотрит с испугом на оставшиеся ступеньки. Наконец пересиливает себя:

— Ну, пойдете дальше...

Улыбается он так легко и плавно, мол, вы уж извините, что я старик, мол, старость не радость...

— Вот и наша площадка, — успокаиваю я старика. — Вот мы и пришли.

Я чуть задеваю дядю.

— Ах, извините, — говорю я.

— Нет, что вы, что вы, пожалуйста...

Мы стоим у двери. Смотрим друг на друга.

— Нет, вы меня извините, ради бога, пожалуйста... — Я краснею.

— Да ну что вы! — отмахивается дядя.

Я стою у двери и не могу пошевелиться:

— Да нет, я, правда, очень виноват... извините, пожалуйста... я совсем забыл... простите, ради бога... так получилось... я не хотел...

Дядя расширяет глаза, и его усы выгибают пушистые седые спинки.

— Что вы, право?

— Я совсем забыл... дядя улетел вчера в Кисловодск...

Некоторое время мы смотрели друг на друга.

На дядином лице боролась корректность.

Корректность победила:

— Что ж вы сразу не сказали...

Тучная спина заколыхалась вниз по ступенькам.

«Ничего, — успокаивал я себя, — ничего. Усы, как у швейцара».

08.02.1960

Чужая собака На работе объявили выговор. Соседи объявили бойкот. Жена сбежала с другом детства.

Я, конечно, могу сходить к тетке, погулять с ее собакой... У нее, у собаки, сегодня день рождения. Тетка приготовит торт.

Этот молодой жирный боксер, я ничего не имею против. Сильный зверюга. Он идет, виляя обрубок хвоста, натягивая поводок. Все время приходится тормозить, словно бежишь под горку. Морда у него, с точки зрения обывателя, мало симпатичная. По-моему, это красивое животное.

А я надеваю темные очки от солнца и веду его желтенького, песочного по Невскому.

А про него говорят:

— У-у-у! Черчиль... чертяка! Мизантроп этакий...

А про меня говорят:

— А хозяин-то... Еще очки надел!

А одна говорит:

— Бедный... Такой молодой — и уже слепой!

А один другому говорит:

— С-суки! Жизнь-то у них какая!.. Нам бы такую...

А мальчик кричит:

— Хочу собачку! Хочу-у-у!

А один говорит:

— Почему собака без намордника?!

А я думаю: «На тебя бы намордник...»

А я иду по улице в темных очках, с боксером... И у меня к нему симпатия. Да он бы и не обратил внимания на этого типа! Он вообще ни на кого не обращает внимания. Наверно, у него свой, собачий мир, и он меня туда не пускает. Я его уважаю за это. Мы бы с ним нашли общий язык. Но мой мир его не интересует. Умный, зверюга! Лоб мыслителя. А глаза? Чтобы у всех людей — такие глаза!

Люди зыркают на него — на меня, на меня — на него. А он ни глазом, ни ухом — все тянет и тянет меня вперед. Сосредоточенность и целеустремленность во всем. Он явно идет куда-то. Наверно, ему стыдно показать, что он идет просто так...

И я, тоже вот, — гуляю с собакой...

У нее сегодня день рождения. Тетка приготовит торт...

А еще я могу — не пойти к тетке...

09.02.1960

Собрание фраков

После речи дедушки Во,
ровно в 12, звякнули шам-

панским.

Был роскошный стол.

Хвалили отдельные вина, их букет и выдержку. Пили из хрусталя мелкими глотками. Хвалили отдельные закуски. Кушали икру и апельсины-ананасы. Описание того, что кушали, — слов на 100.

У мужчин образцово торчали белоснежные манжеты.

Дамы держали длинные мундштуки в длинных пальцах.

Время от времени говорили, что все славно, но пробовал ли кто такой-то сорт вина, такую-то закуску. И если не пробовал, то не пробовал ничего в жизни.

Кто-то что-то кушал у знаменитого Шейнина-Моисеева-Ботвинника.

Все кушали Шейнина-Моисеева-Ботвинника.

Танцевали.

И говорили, что чудесная музыка, просто славная. Но кто не слышал такой-то вещи, тот не слышал ничего.

Что за музыка была у Шейнина-Моисеева-Ботвинника!

Вина становилось мало.

Женщины невозмутимо покидали стол и выстраивались у туалета.

Из цикла
«Люди, которые...»

У мужчин торчали манжеты.

Кто-то принес из бабушкиной комнаты часы с кушковой. На него зашикали. Обиженный, он ушел на лестницу.

Где-то на кухне уединившиеся манжеты пили стаканами перцовку. Нюхали горбушку.

В кухне тоже ничего не осталось.

Два манжета толклись у хозяйкиных духов.

В три часа один кандидат, разговаривая о способах заварки кофе, упал замертво.

Жена выскочила из темного угла дивана и начала беспокоиться вокруг. Из того же темного угла вышел бледный дух, поправляя манжеты.

Обиженный человек принес с лестницы огнетушитель и представил его как доказательство.

Вызывали такси.

Кто-то пробовал еще упасть, но все поняли, что тот прикидывается.

Кто-то потерял манжету. Ползал.

— Адрес... Адрес свой потерял! — плакал он. — На манжету, уходя, записал... и потерял! Кто знает теперь, кто я такой?!

Никто не знал.

— Как меня зовут?!

Такси вызвали.

Кандидата погрузили на заднее сиденье.

Бледный дух махал ручкой.

Шофер был мужчиной.

Ехали.

Жена оглянулась на заднее сиденье: муж был еще там.

— Мужественная профессия... — сказала она шоферу.

Шофер рыгнул.

— Голубчик, вы всегда такой мрачный?

— Приехали дамочка.

Кандидат сохранял бесчувственное состояние. Вызвали неотложку.

Врач был мужчиной.

Распевая, он пощупал пульс через манжету и приложил ухо к пиджаку.

— Ер-р-рунда! — сказал он. — Проспится. Ничегошеньки с ним не будет. Такого не бывает, чтобы что-нибудь было.

— Я так испугалась, доктор...

— Чеп-пух-ха! Стоило вызывать... Разве ж это случай? Это не случай. Вот только что был случай, так это случай! Жена с мужем друг дружку бритвами порезали... Только что оттуда.

— Благородная профессия... — вздохнула жена.

Врач поцеловал ей ручку:

— Вызывайте, как только сочтете нужным...

И долго искал галоши.

Видимо, тогда он и наблевал в передней.

09.02.1960

Любители

За рулем.

Машина раздвигает дорогу, разрывает лес. Лес разлетается, улетает двумя струями слева и справа.

Поворот.

На лужайке за обочиной — колеса.

Машина, как жук, — кверху лапками.

Чужая машина. Не своя машина.

«Вот это да! Вот этот пропорхал!..» — Вообразил. Возникла сказка происшедшего. Диагноз.

«Тот ехал. Тот затормозил. Того занесло. Тот повернул — еще больше занесло.

Заносило, заносило...

И тот полетел.

Перевернулся, перевернулся... Раза два перевернулся.

Не меньше ста была скорость!

Интересно.

А где же пассажиры?

Никого людей. Впрочем, пассажиров могло и не быть.

А шофер?..»

Машина остановилась. (Долг автомобилиста. Интерес профессионала-любителя.)

Все равно никого.

Вдруг смех. Послышалось?

Увидел...

На холмике сидит человечек. Смотрит на машину
кверху лапками. Прыскает.

«Странный очевидец. Все-таки надо узнать.»

— Здорóво!

— Здорóво. Ха! — сказал сидящий. — Здорóво? Ха-
ха!

— Здорóво! Ведь шел-то как! На сто.

— Наверно. Ха-ха-ха!

— Вы видели?

— Видел... Ах-ха-ха-ха!

— Наверно, подвели колодки?

— Ах-ха-ха! Курица... Ха-ха-ха!

— Ведь не меньше двух раз перевернулся?

— И-ах-ха-ха! Четыре... — трясся человечек. — И-
йх-хи-хй!

— Что ж тут смешного! — возмущился автомобилист.
«Все бы этим пешеходам поскалиться». — Жертвы были?

— Их-хи-хй-хи! — визжал человечек, тыкая пальцем
в сторону перевернутой машины. — Были... Иг-ги-гй-ги!!

— КТО? СКОЛЬКО?

— И-и-йг-ги-гй-ги-гй! Курица... И-йх-ха-хй-ху-хó!

— Как?

— И-их-ха-хй-ху-хó! Хотел объехать... Уа-ах-ха-хи-
хй-ху-хó! Уа-ах!

— А как же пассажиры?!

— Уóх-хоу-хоу! — лаял человечек. — Пассажиров
нет. Уóх-хоу-хоу! хох!

— То есть как?!

Из цикла

«Люди, которые...»

— Уóх-хох! Фьйт-фють... И-ах-хí-хи-гú-го-го!
Фьюйт! — свистело в человечке.

— Бессердечный человек, — сказал автомобилист. —
А шофер?

— Гú-гу-го-го-гí-ги-гí! Буль-бульк! — булькало в че-
ловечке. — Ох-гу! Ух-го! Ах-гы-ы-ы! — ухал он. —
Игíги... Хохíхи... Пш-ш-ш! Вш-ш-ш! — выпустил воздух
человечек. — Шофер?!.. Гóги-гúги! Их-хи-хú-хи! Буль-
бульк... Уап-пи-пí! Бу-бо-ба! Фють-фють! Х-х-х... ЭТО
Я!!!!!!!!!!!!.....

11.02.1960

Такие дела

В энской районной газетке была нехватка стихов. Как-то как перебивались на армейских соборах.

Однажды — честь честью патриотических стих. В редакции обрадовались. Стих прошел.

Все нормальные люди читают нормально. А стихов не читают.

А вот какой-то псих читал стихи снизу вверх по заглавным буквам.

Искал.

Нашел: по диагонали читалось «ИВАНОВ — ДУРАК».

Иванов был большой человек.

Газетку разогнали. Столько-то человек, кормившихся ею, осталось без куска.

Эти люди:
стали писать стихи,
стали читать стихи.

СЕНСАЦИЯ!!

Весь мир потрясен вестью. 500 лет мы неправильно читали Вийона. Все стихи Вийона надо читать не так, как они написаны.

Их надо читать:
снизу, по диагонали, ходом коня, третьими буквами, четвертыми буквами третьего слова с конца пятой строки снизу.

Из цикла
«Люди, которые...»

Биография Вийона совсем не такая, а другая, зашифрованная.

А как обстоит дело с другими?

С другими обстоит так же.

Тыщи лет люди не так читали стихи.

Наивные увлечения прошлого: игра в 15, футбол, Шерлок Холмс.

Все читают стихи. Общий ажиотаж. Детективность стиха.

Страшные истории из жизни великих людей. Их теневые стороны.

Тираж поэзии подскочил до невиданных высот.

Современная поэзия перестроилась. Ушел в историю наивнейший по технике акростих.

Поэты строили дачи.

Поэтессы удачно выходили замуж.

Кроссвордисты, ребусисты терпели крах...

Но переквалифицировались:

«В этом стихе про зиму, найдя ключ, вы прочтете совет по домоводству».

Литературоведение с ужасом осознало, что оно шло не тем путем.

И оно пошло новым:

Надсон оказался словарем всех русских ругательств при соответствующем чтении.

Барков — лириком.

Классики были пересмотрены. Чистка.

Гражданские поэты были довольны: стало куда помещать идейное содержание.

Возникла проблема. О.....: его не удавалось расшифровать. Это был один из самых драматических моментов.

Открылась группа врагов.

Жертвой пал Щ. Стихи его, при соответствующем прочтении, таили в себе порнографические откровения.

Всюду:

в трамваях и парках,
на улице и в очередях,

сидели,

стояли

и ходили

люди с раскрытыми томиками и сложно водили пальцем, выискивая закон прочтения стиха.

А еще через тыщу лет — еще сенсация:

обнаружили рифму,

и что читать надо то, что написано в строчках,

и что ничего зашифровано не было.

Такие дела...

18.02.1960

Китайцы

624 тыс. т. мух перебили китайцы.

Торжественное собрание: в районе уничтожили всех мух. Эстрада — кумачовый стол — президиум. В зале товарищи в синих френчах. В президиуме товарищи из товарищей. Собрание считается открытым... Слово представляется...

Речи.

Товарищи сменяют на трибуне товарищей.

Зал относится с полной китайской ответственностью.

Слышно, как муха пролетит.

Вдруг услышали... Пролетела.

Муха! Муха в зале!!

— Синь-синь-сяо-МУХА, — сказал председатель.

— Синь-синь-сяо— МУХА!! — сказал президиум.

— Синь-синь-сяо-МУХА!! — сказал зал.

Все смешалось. Ловили муху.

Поймали. Казнили. Отнесли в президиум.

Собрание продолжается.

...Где-то сдают сухих комаров. Где-то обязательно должны сдавать сушеных комаров...

18.02.1960

Черный день

Человечек.

Когда закурил, перетряхивал пачку — раз-два, два-раз. Высунется папироска — он ее обратно загонит. Спрячется — снова вытряхнет. Раз-два, два-раз. Потом, словно спохватится, — достанет. И снова: откроет коробок спичек, закроет. Закроет—откроет. Ширк-ширк — коробок в его руках. Уже, кажется, никогда спички не вынет. Вдруг — раз! — закурит.

Уходит — дверь прикроет—откроет, откроет—прикроет. Туда—сюда. Сюда—туда. Помашет дверью, словно прикрыть ее можно только с великой точностью...

Положит что-нибудь на стол... Чуть пододвинет. Потом обратно. Еще подвинет... Пока вещь не успокоится словно на единственном для нее месте.

И был у него большой бумажник.

Отделений — раз, два, три... Много.

Одно отделение — для рублей, второе — для трешек, третье — для пятерок... Каждому сорту по отделению в этом бумажнике.

А каждая бумажка сложена в четыре раза.

И специальный кошелечек для мелочи.

Пересчитывает человек деньги, они укладываются пирамидкой: внизу — самый большой квадратик, наверху — самый маленький...

Или можно по росту.

Из цикла

«Люди, которые...»

И досталось ему наследство. Тысяч пять.
Много вещей вдруг стало необходимо купить.

А тысяч всего пять.

И он решил так:

Ухнутся они — их и не было.

И жить ему будет — так же.

Ведь никогда ему отложить не удавалось...

А если черный день?

А про черный день — и ничего нет.

Надо бы их сохранить, 5 тысяч.

Но как-то приятно в то же время, чтобы не только
он чувствовал, что у него есть деньги.

Положил в сберкассу.

КАК ОНИ ТАМ ЛЕЖАТ?

Беспокоился.

Снял, переложил в другую.

КАК ОНИ ТАМ ЛЕЖАТ?

Взял половину. Переложил еще в другую кассу.

Вынимал, вкладывал.

Клал, забирал.

ПЕРЕКЛАДЫВАЛ.

В одну кассу — три, в другую — две, в третью... —
И нечего.

Тогда:

Из первой — пятьсот. В третью — пятьсот...

А кассиры поглядывают.

Докладывают каждую субботу куда надо.

А соседи в квартире поглядывают.

Откладывается у них в голове.

И на кухне разговоры:

— Один человек нес мешок. На нем синие очки, несет его по улице. А пацаны пошутили — чирк! А оттуда — как посыплется! как посыплется!...

— А то, еще у одного был чемодан с двойным дном...
с тройным!
с четверным!..

— А наш сосед ТОЖЕ странный человек...

А человекек беспокоился.

Еще раз переложил.

Тут-то и отделился от очереди один в плаще:

— ПРОЙДЕМТЕ.

А человекек то приоткроет сберкнижечку, то призакроет. То приоткроет.

Не понимает: куда пойдете?

— Я давно слежу за вами и все знаю.

Жена пришла на свидание, говорит:

— Черный день пришел, надо бы...

— Э-э-э, не-е-ет... Какой это черный день! Разве это черный день? Это еще не черный день. Надо — про черный день...

Разобрались — выпустили человекка.

И еще случилось что-то...

— Вот, пришел черный день, — говорит жена.

— Нет, — говорит человекек, — это еще не черный...

И не было у них в жизни черных дней.

02.03.1960

Кощей бессмертный

(Старая история)

Ух! Ух! — Трясется лес.
Стонет земля под Кощеем.

Вот и хоромы.

Вот и дома.

Устал он, ух, как устал. Не такое теперь время.

А жена у него молодая, круглая.

И он говорит:

— А не пахнет ли тут человечьим духом?

Жена у него молодая, круглая...

Она и говорит:

— Полно тебе, нахватался в дороге. От самого и пахнет. А я тут бедная, молодая-круглая...

— Ну, ну, — говорит Кощей. — Что ты говоришь...
Какие ж теперь бабы? Одна ты у меня.

— То-то.

А сама ему на стол ставит. И первое ему, и второе, и третье.

Угодила всем. Обтаял Кощей. Разлегся.

— Иди ко мне, — говорит.

А жена ему гладит волосы, говорит:

— Уж так я тебя люблю, так холю...

Скажи, где твоя душа?

— В венике, — ухмыльнулся Кощей. А про себя подумал грустно: «Старая история...»

На следующий день ушел Кощей, жена веник и помыла, и посушила, бантиком повязала, маслицем смазала.
Явился.

— Что-то тут челове... — А жена надула губки, круглые, красные. А Кощей видит: в углу веник сияет. — Ну, ну, не буду, — говорит. — Зверь я, зверь... Истинно Кощей. Нехорошо я к тебе отношусь. К жене своей единственной. Соврал я тебе вчера. А ты — хорошая, доверчивая — сказок даже не читала. Разве ж может душа быть в венике? Сама рассуди... Соврал я тебе.

Жена совсем расстроилась с виду. Размяк Кощей:

— Скажу я тебе: там, на чердаке, в сундуке — шкапулочка, в ней заячий хвостик...

В нем моя душа.

И вот, на следующий день ушел Кощей, жена сундук-чок-то начистила, а из хвостика щепотку вырвала.

Приходит Кощей, шатается.

А жена молодая, круглая...

— Простудился я, что ли. Просквозило меня, продуло. Просек много — сквозняки. Сегодня уж точно человеческой пахнет. Ну, да ладно, сил моих нет.

Слег.

Жена хлопчет. И малина, и мед, и молоко. Выскочит, словно в погреб. А сама наверх. Щипнет — и обратно.

А Кощею все хуже.

А жена хлопчет. Градусник ставит.

Гладит его по волосам:

— Поправляйся, выздоравливай...

Уж я ли тебя не любила, уж я ли не холила...
Скажи своей женушке,
где ты свои сокровища хранишь?
А Кощей вовсе обессилел. Рта раскрыть не может.
Приподымет только кверху два пальца...
И рука падает обратно.
А заячий хвостик совсем облысел.
А жена плачет:
— Неужто ты меня покинешь... Что я делать буду?
Куда себя дену?
Скажи хоть, где свои сокровища хранишь-прячешь?
Тут Кощей собрался с остатными силами. Поднялся
на чердак.
Хвост забрал.
А полюбовника съел.
И тут же поправился.
— Съесть бы тебя мало, — говорит жене, — да разрушать семью жалко.
И на что ты надеялась? Ведь я же бессмертный!
А жена и говорит:
— Виновата я, раскаиваюсь. Ошибалась.
— Старая история, — говорит Кощей. — Все вы начинали с веника... Бессмертный я.
Успокоилось все. Улеглось.
Говорит жена:
— Только скажи мне, что это ты все два пальца подымал, когда я про сокровища спрашивала? Думала, на чердак показываешь. А там ничего...

Говорит Кощей:

— Не подозревал я тебя. Думал, правда, заболел. Умирать собрался. Столько живу — надоело. И совсем уже на сокровища показать хотел. Но только подниму руку — и не могу. Подниму — и не могу...

А раз не вышло — зачем тебе про сокровища знать?
Бессмертный я, бессмертный...

02.03.1960

Родинка

Можно сходить в кино.
Взять билет за полтора
рубля. Стоять у контроля и ждать, пока впустят.

Они обязаны впускать за час до сеанса!

Он войдет вместе со старушками и школьниками, мотающимися уроки...

А когда впустят, можно рассматривать фото артистов, лица, знакомые до того, что странно, что они не с вашей лестницы. Или стенд о семилетке.

Можно купить мороженое, наконец...

Покурить с инвалидом в уборной.

Можно подняться наверх и листать журналы:
четыре матросов носило 49 дней в океане без еды,
наша галактика расширяется и конечна,
мы нашли друг друга! мы не виделись 10 лет... и вот
благодаря вашему журналу...

А ему и находить некого. Никого и никогда не было.
А можно и не пойти в кино...

Соседка Марья Ивановна говорит, что чайник скипел.

Можно попить чаю... Он всегда покупает к чаю что-нибудь вкусненькое. Сегодня — пряники.

И стало ему как-то скучно:

была бы у него мама,

был бы у него братец, звали бы его Вовкой... теперь
бы он был большой и старый.

А еще лучше — было бы два брата.
и еще сестра.

Он отодвинул чайник и пряники и долго вертел перо.

«Помогите отыскать моих близких, — написал он. — Многим вы уже помогли найти своих близких родственников. Прошу теперь помочь мне.

Мы проживали где-то около Ленинграда, не могу вспомнить, где. Маму, кажется, звали Верой.

Меня, сестру и двоих братьев (одного звали Вовкой) соседи отдали в детдом, какой — не знаю. Позже меня с сестрой привезли в другой детдом, а где остались братья — неизвестно. Из детдома меня взяли одни люди, а сестру — другие.

А я теперь живу тут».

Он перечитал. «Только как же они найдут?» — подумал он. И стал думать, каким бы он был в отличие от других.

И ничего не мог придумать.

И тогда приписал про родинку. Про большую родинку у брата Вовки. Такую большую, по которой узнают в книжках выросших на чужбине сыновей.

Помогите отыскать моих близких!

Очень прошу.

16.03.1960

Однокашники

Петя Бойченко с 3-го класса собирал медную мелочь.

К 10-му классу у него было два пуда. К V курсу — пять.

Он сел за задержку разменной монеты.

Во время летних каникул Вася Власов нашел на речке штык. Он сделал к нему ножны и хранил в столе до самой свадьбы.

Он сел за хранение холодного оружия.

Мой сосед по парте Колька Санин рассказал мне анекдот, а потом сознался, что я его слушал.

А Филька Шмаринов до сих пор гуляет на свободе.

21.03.1960

Разводы

Помню, он учил меня курить во втором классе. Звали его Гапсек. Вообще-то он был Коля Иванов. Просто как-то на детском утреннике мы видели, почти весь наш двор видел, картину «Гобсек». А потом Колька принес огромный моток серебряной ленты. Мы, конечно, хотели поделить. Но он не дал. Все сказали, что он жмот, жох и жига. Но он и внимания не обратил. А один крикнул, что он Гапсек. Колька страшно рассердился на это прозвище и погнался за обидчиком. Тогда все закричали: «Гапсек! Гапсек!». Потом все забыли, кто такой был настоящий Гобсек, а вся лестница была исписана:

Гапсек — дурак,

Гапсек — жук,

Гапсек + Валя

и т. д.

Я не поссорился с ребятами. Прошло время, и мы как-то редко стали встречаться. А столкнувшись, не знали о чем говорить.

Ребята побросали школу. Многие работали на заводе. Двое попали в исправительную колонию.

Сам я рос постепенно, а сталкиваясь с ними, удивлялся, как внезапно они выросли, что вот уже пошли в армию, а девчонки красят губы, а та, рыжая, — совсем недурна.

И мы как-то уже перестали здороваться. Вот только с Гапсеком... Он всегда широко расплывался в улыбке.

Потом кто-то вернулся из армии, кто-то стал чемпионом Ленинграда по боксу, кто-то заболел воспалением мозга (такой молодой!) и умер.

А девчонки таскали на руках детей.

Женился и Гапсек.

Все говорили, что бедная девушка, что он ей не пара. Она такая воспитанная, образованная...

А Гапсек потолстел, зарабатывал, не пил, приобрел телевизор и осуществил давнишнюю свою мечту — мотоцикл.

Родился маленький Гапсек.

А большой бегал по лестнице, обвешанный свертками. И вдруг что-то пошло не так.

В квартире снова говорили, что Гапсек ужасный человек, что бьет жену, что пьет и не работает.

А мать Гапсека говорила, что эта стерва хочет урвать площадь.

А Гапсек ходил какой-то потерянный.

Жена его сбегала в больницу, показала синяки и взяла справку о том, что она побита. Жена трясла перед Гапсеком справкой и говорила, что теперь-то он в ее руках.

А мать Гапсека сказала: «Дурак ты, дурак! Да на тебе же синяков еще больше. Пойди и возьми справку тоже. Не подсажи тебе, так ты так и будешь... Раззява».

И Гапсек взял. И доказал жене.

А жена все-таки подала в суд.

Суд разделил площадь: $1/3$ — Гапсеку, $2/3$ — жене с ребенком.

А площади 8 метров.

Гапсек ездил на мотоцикле и привез еще одну кровать. Так в комнате появился еще один муж, а Гапсек привел еще жену.

Когда родились дети, суд разделил гапсекову треть: $2/3$ — второй жене с ребенком и $1/3$ — ему.

Когда появились следующие, теперь уже две жены и два мужа, когда родились следующие дети, все развелись еще раз и каждый получил свою долю площади. И снова все возросло вдвое, и снова все развелись, и снова каждый получил свое...

А Гапсек все ездил на мотоцикле.

Предпоследним появился робкий молодой человек он обожал сырое тесто он приносил домой завернутое в целлофан тесто и входил в комнату после рабочего дня занимал свою $1/81$ часть площади и стоя на одной ноге поджав вторую ел тесто прямо из целлофановой бумажки держа его на весу как он в таком положении мог но от него тоже родился ребенок и это бы еще ничего дело в том что когда площадь была разделена еще раз молодой человек привел робкую молодую девушку и я живущий тремя этажами ниже встретил ее на лестнице моя мама категорически против того чтобы эта девушка жила у нас во всем городе не нашлось балетных тапочек 43 размера с большим трудом мне удалось выпросить их в балете

ежедневно в ожидании решения суда я учусь стоять на пуанте и это бы еще ничего если бы было куда откинуть ногу

.
.
.
.

1000 лет мы прожили в подобной тесноте. Наши внуки научились летать. Они порхают под потолком и не пользуются площадью. Но они уже забывают кубатуру.

Им-то хорошо — они могут вылететь прямо в форточку...

Март, 1960

Пафли

— Слышал, слышал, — сказал Зарембо, встретив меня

в раздевалке.

— Что — слышал?

— Уж слышал, — сказал он и, подмигнув, ушел.

Поднимаясь по лестнице, я почувствовал себя тем более странно. Что-то очень непривычное было на этот раз, хотя я ничего такого не мог заметить: все было так же. Я уже совсем поднялся, и тут столкнулся с Иваном Филипычем.

— Что же это вы? — сказал он.

— А что? — сказал я, и что-то во мне сжалось.

— А вам уж надо бы и самому знать, — сказал он.

И вот его нет уже, а я вдруг осознаю, что же было такого непонятного, когда я поднимался по лестнице. Вот уже сколько я по этой лестнице хожу, там всегда только одно слово нацарапано было: почему-то «Культа». Не может быть! Я спустился, внимательно осмотрел стену. И действительно — никаких следов... И тут опять Иван Филипыч появился. Ничего не сказал, только посмотрел.

Когда я входил в чертежную, все словно бы замолчали, приподняли головы и замерли, на меня глядя. Я тихо проскользнул к своей доске.

Растягайцы на приколе!..

— почему-то визгливо пропел Слоним и замолчал так внезапно, что тишина вроде бы звякнула, когда наступила.

Я принялся за дело, и вдруг до меня дошло. «Распрягайте, хлопцы, коней» — вот что пел Слоним. Вот оно, оказывается, что.

Солнце — просто ужас, какое солнце! И синица — влетела и повисла на форточке вниз головой и вертит ею. А я просто веду эту линию, веду и, кажется, всю жизнь только ее и веду, и буду вести. Бумага — белая, линия — черная, кнопка — блестящая, резинка — мягкая, доска — ровная, табуретка — круглая и вертится, синица висит вниз головой и ею вертит; капли капают, солнце — яркое и круглое; крутится; капли по стеклу, круглые, катаются; кнопки — блестящие, круглые, крутятся. Пожалуй, кроме этих четырех, надо еще четыре по середкам воткнуть, чтобы бумага не топорщилась... Кнопки блестящие... А где же кнопки? Кто взял?

Я подошел к Слониму.

— Ты не брал мои кнопки?

— Кнопки? Какие кнопки?

— Как какие! Мои... Простые, обыкновенные.

— О чем это ты? Да постой, что это с тобой?..

— А что?

— Ну ничего, ты не унывай... Но что это ты сегодня?

Не такой какой-то...

— А какой же?

— А не такой.

Вот теперь не отгибается. Я веду и веду свою линию.
До самого обеда.

Спускаюсь со всеми в столовую.

— Ну вот и ты с нами, — говорит мне Зарембо.

— А что тут такого?..

— Да нет, это я так...

Спускаюсь, смотрю на стену. Нет «Культи». А тут Артамонов. Задушевно так за руку берет и не выпускает, в своей держит, и пристально так на меня смотрит.

— Ну как ты, Петя?

— А что?!

— Ну ничего, ничего, — говорит Артамонов. — Это ничего.

В столовой опять солнце. Всюду слепит. Набрал всего на поднос — не знаю, куда сесть. Стою с подносом. Вижу, Слоним один сидит. Сажусь к Слониму.

— Что же ты, Петя, киселя-то не взял? — говорит Слоним.

— Как киселя?

— Ты киселя-то возьми.

Теперь и кусок-то в горло не полезет. Что это? Солнце слепит, Слоним сидит напротив, кисель пьет. Да полно, Слоним ли это?

И вот опять я веду и веду эту линию. Кнопки блестят, круглые. Капли еще капаят. Синицы же нет. Рейсшину почистить надо — мажется. Синицы нет. Иван Филипыч подходит.

— Так, так, — говорит.

Я черчу, не оборачиваюсь, веду свою линию.

— Культю подхавали пафли, — слышу я из-за спины.

— Что вы сказали?! — говорю я.

— Я? Ничего. Что это вы, право?..

И отходит.

Я же черчу. Только что-то вдруг все на меня пристально смотреть стали. И не чертят уже, смотрят все и молчат.

«Да полно вам», — хочу сказать я.

Молчат. Солнце. Кнопки блестят. И чертежные доски отдельно так стоят, черные на солнце, на тонких ножках; ножки все мелькают — и словно бы все эти доски по комнате плавают и ножками перебирают.

«Ну что вы?! — хочу сказать я. — Не надо! — хочу крикнуть я. — Да вы что?!»

Молчат. Все словно бы расползается перед моими глазами, как мокрая промокашка. Серое такое, амебное...

«Спокойно, — говорю я себе. — Только спокойно. *Культпоход завтра*. Возьми себя в руки».

01.04.1962

Воспоминание о бочке

Эта бочка, совершенно непонятно почему, стояла на насыпи, причем так близко от проходящих поездов, что до нее можно было дотянуться рукой. Она была железная и пустая, а сразу за ней был длинный склон насыпи, и там, в глубине, под насыпью, до самого леска — огромная лужа. Бочка была рыжей от ржавчины, и на ней было написано 703-КА, но и эта надпись была уже рыжей. Невдалеке от бочки стоял маленький белый столбик с цифрой 7, отмечавшей очередные сто метров. А в другую сторону, и тоже невдалеке, стояла черная металлическая мачта, которая поднимает плоскую металлическую лапу с кругом-кулаком на конце. От этой мачты долго еще, до самой путевой сторожки, низко над землей тянутся интересные такие тросики. Побеленные же камушки, уложенные чуть не через каждый метр, тянутся вдоль всей линии аккуратной цепочкой. У этой мачты, внизу, даже растет трава, и несколько запыленных ромашек с трудом поддерживают свои головки. А под насыпью — там вообще море этих ромашек, до самого леска. Лесок из молоденьких сосенок — пушистый и веселый. Чуть подальше за ним течет ручеек, и один его изгиб виден с железной дороги: так он поблескивает. За ручейком длинное непонятное строение, и всегда одна и та же грустная лошадь пасется около него, и кажется: никогда не сойдет со своей

точки. А там дальше луг и опять что-то вроде ромашек, до самого горизонта. А если нет дождя, то над всем этим еще голубое небо с редкими взбитыми облачками.

Так вот, бочка, старая и ржавая, стояла на высокой насыпи, у самой колеи, и внизу была лужа. По насыпи полз зелененький дачный поезд. На подножке одного из вагонов сидел Петр Иванович и ехал на дачу. Он вез туда большую подушку. Он сидел на подножке, обнимал подушку, и подбородок его покоился вверху. Ему было очень удобно сидеть вот так с подушкой, и он дышал воздухом, который совсем другой, чем в городе. А дождя в это время не было, и поэтому небо было голубое, с редкими взбитыми облачками.

И Петр Иванович увидел множество ромашек и пушистый сосновый лесок, за леском блеснул ручеек, и Петр Иванович увидел длинное непонятное строение и эту грустную лошадь, а дальше луг и опять ромашки... Он глубоко вздохнул, и что-то переполнило его.

И тогда он увидел рыжую бочку прямо перед собой и так близко, что ничего не стоило до нее дотянуться. В тот же миг Петра Ивановича озарило. Будто полыхнуло.

Озарение — вещь мгновенная:

он увидел перед собой бочку —

и пнул ее ногой

в совершенно естественном желании посмотреть, как эта пустая железная бочка, которая еле держится на краю насыпи, покатится глубоко вниз по этой насыпи

и шлепнется в огромную лужу,

и сколько при этом будет шуму...

И вот что произошло:

бочка осталась стоять на месте, нисколько
и не шелохнувшись,
а Петра Иваныча с подушкой

не оказалось на подножке.

То есть, совершенно невозможно себе представить, как закричал кто-то в тамбуре, и как они кричали дальше, между тем как поезд, что совершенно естественно, далеко уже проехал мимо бочки, где-то под собой оставив Петра Иваныча и увозя кричащих в тамбуре. Вполне понятно, что через некоторое недолгое время поезд все-таки стал, и из него вылетели и помчались назад по насыпи кричавшие в тамбуре и многие другие люди из поезда, может, даже весь поезд, и вот они высыпали и бежали назад по насыпи, рисуя себе ужасные картины.

И вот видят Петра Иваныча, если можно так сказать.

Он вырос вдруг, как из-под земли...

И вот он идет себе по шпалам им навстречу, широко и радостно улыбаясь,

и в руках у него —
две ромашки.

Апрель, 1962

Автобус

Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь... То есть не надо, а можно писать всю жизнь: пиши себе и пиши. Ты кончишься, и она кончится. И чтобы все это было — правда. Чтобы все — искренне.

Вот пишу и не знаю... Ведь чтобы писать искренне, надо знать, как это делать. Иначе никто тебе и не поверит, что у тебя искренне. Сделать надо.

Вот это-то и ужасно: все-то — литература...

А я такой-то человек. У меня есть люди, которых я люблю, люди, с которыми я знаком, люди, которых я не знаю. Все эти люди как-то меня знают, что-то обо мне иногда думают, когда есть к тому повод. А я совершенно не представляю, что они обо мне думают. Но мне кажется, они не допускают, что я какой-нибудь другой, чем они. Что я могу чего-то больше или хотя бы иначе, чем они. Я даже могу допустить: иначе быть не может. Ведь я же не представляю себе Иванова отличным от остальных...

То-то и оно. Все люди — центры. Два с половиной миллиарда центров...

Иногда я попадаю не в фазу. Периодически. Довольно часто. Не в фазу — значит, как-то все у меня не как у всех, все со мной подло, все из рук валится, надо одно — а хочется другого.

Ничего не получается.

Вот, например, с автобусами. Вдруг получается так, что они только что отошли. А мне как раз надо бежать. Например, я сажусь на остановке, где ходят 49-й и десятка. 49-й ходит очень редко, а десятка очень часто. Так вот, когда мне нужен 49-й, он подходит мало того, что редко, а еще втрое реже... А когда мне нужна десятка, подходят два 49-х. А десятка... Я всегда думаю: может, она с моста свалилась?.. Такое дело. Я всегда, когда ежду через мост в автобусе, думаю, а что я буду делать, если сейчас мы полетим в воду? Положим, мы не уьемся... Наверняка не уьемся. А вот, как быстро просочится в автобус вода?.. Думаю, напрягая мышцы, как я выбиваю стекло. И выныриваю. Пока все там гибнут в автобусе. Безусловно ведь, шофер не успеет открыть двери... Но вот я вынырну. И не вынырну, а только буду выныривать... А у меня в руках портфель, и на мне осеннее пальто. Это все набухает. Допустим, я умудрюсь сбросить. Я доплываю до быка, и взбираюсь, и сижу на нем, на остром ноже-ледорезе... И жалко пальто, которое сбросил, а оно совсем новое. И ботинок.

Так я думаю чаще всего, когда мне куда-нибудь очень, позарез надо, куда я еду. Что-то надо, ужасно надо сделать. Последний срок, последняя возможность. А мне удивительно неохота. Как раз сегодня было бы так прекрасно никуда не пойти, а остаться дома и спать. Или пойти в кино на утренний сеанс. Или выпить в автомате. А потом познакомиться с кем-нибудь. И пойти куда-нибудь на Острова...

И вообще, зачем это?.. Кто мне объяснит, что это так уж обязательно надо — то, что ты делаешь? И почему бы не свернуть в сторону, не свалиться в реку в автобусе?.. И тогда бы тебя доставили домой, и ты бы с полным

основанием забыл про все дела и ничего бы не делал из того, что обязательно, просто совершенно обязательно надо было сделать... А им бы потом объяснил, в чем дело. Кому — им?.. Сам не знаю. Вот свалился в реку, и так прекрасно: и ты и общество — полное согласие. И никто от тебя ничего не требует. Все прекрасно между тобой и обществом. Тебе сочувствуют... А раз такой пустяк — свалиться в реку — выход, и ты будешь прав, и все тебя оправдают, что не сделал того-то и того-то, что было так, позарез, надо... Если так... на кой хрен тебе вообще куда-то надо ехать? Кто это выдумал, что так надо?..

Написать бы книгу — без композиции, без языка, без всех этих фокусов... Ведь есть же что-то самое важное. Главное, так сказать. Все остальное — так, смазка, чтобы легче проходило. Как бы обойтись без этого, оставив самую суть?.. И самое смешное — допустим, это начало такой книги, то, что я пишу; что вот я собрался и начал, — самое смешное, что будешь писать, напишешь — и окажется и композиция, и язык (развязка, завязка, метафора) — и вся литература налицо. Если книга получится, конечно...

Деться тут некуда.

Последнее время я все думаю: написать бы всю правду. Не всю-правду: для этого нужно искажать, хитрить, — а всё-правду. Думаю уже месяц. Как раз мне надо очень делать кучу вещей. Позарез надо. Дальше некуда. Просто свет клином сошелся. Не сделаю, не выполню, не напрягусь — все рухнет. Все пропало.

А что пропало? Что рухнет? Что, собственно, рухнет?!

Ерунда какая-то. Все-то понятно. Просто мне трудно. А хотелось бы, чтобы не было. Чтoб ничего я не был должен...

А что я, собственно, должен? Будто бы?! А если и должен, то почему какую-то подобную чепуху?..

Уже месяц я подумываю, написать бы такую книгу... Вот сегодня ехал я в автобусе... Кстати, почему это я все придумываю в автобусе? Не додумались еще, чтобы в одну секунду перелетать от дела к делу. Ехать надо. Иногда полчаса, иногда больше, когда меньше. Совершенно законная свобода. Едешь куда-то. Ехал бы и ехал. Только бы не вылезать. Особенно, если рано утром. И еще дремлет в тебе сон. А за окном мороз, и окно замерзло. И если ты еще занял место у окна, и как раз под сиденьем — печка... А люди входят и выходят. И ты смотришь в лица. И девушки... Они тоже смотрят на тебя. И тоже выйдут. И ты едешь себе, едешь...

Вот я ехал и думал о такой книге. И думал, что обязательно напишу про парня, который сидит напротив. И смотрит на всех умным взглядом и чему-то такому умному в себе ухмыляется. Тыщу лет я знаю, как он ухмыляется!.. Обязательно надо про него написать в такой книге...

И вот я приехал домой, лег в постель и решил, хотя и невозможно написать такую книгу, все-таки что-нибудь записать, и сразу вспомнил про этого парня и что надо про него написать, и вот я пишу, пишу и все хочу про него написать, и уже седьмую страницу пишу, а даже не знал, о чем буду писать, пишу уже седьмую страницу, и все думаю, что надо писать об этом парне, и никак не могу подступиться к нему — все что-то пишу...

Я иногда выхожу на улицу. Спешу. И кажется — зачем я вышел? Да можно ли в таком состоянии пускать человека на улицу?.. Вот идут мне навстречу две женщины. Старые, усталые, из последних сил. И говорят друг другу какими-то

высокими голосами: «И ты думаешь, можно сделать такую выкройку?.. Ну что ты... Я ему так и сказала... Ты не ходила на его концерт?! Ван Клиберн — прелесть...» Усталые такие. Идут куда-то. А я вот (разве можно так?) смотрю и вижу, какие у них худые старые ноги в черных чулочках... И вот эта женщина опять покупает ирисок на рубль. И этот пьяница купил бутылку фруктового вина и сунул ее мимо кармана. Она брякнулась о кафельный пол, и розовая жидкая лужица на полу... А он стоит, расставив криво ноги, и все, не понимая, смотрит на лужицу, и такое бессмысленное детство бродит по его лицу.

А здесь стоит ребенок. Кто-то его забыл. Разве можно оставлять таких на улице! Стоит, косолапый звездочет, и совсем обо всем позабыл. Никто его не тербит. И он смотрит на воробья. А воробей, серая такая птичка, чистится и чистится. Весь чистый.

И вот вчера я так глупо ошибся... Бежал, спешил и со спеху впоролся в женский туалет (две двери рядом). Мне еще раньше говорили, что в женском туалете отдыхают проститутки. И что уборщица даже специально для них держит пудру и папиросы. Я тогда не поверил.

А тут думал о чем-то — и впоролся. И вот сидят они в центре туалета, стулья в круг, и курят. Молодые, красивые, яркие, отвлеченные какие-то, такие простые... сидят и курят. И видно, беседовали — замолчали. Смотрят на меня так спокойно, без вызова, прервавшись... А я осознаю и вылетаю пробкой.

А книга — это чудо. Понимаете, это все, что я написал вот сейчас — этого всего не было. То есть это было... Во мне, скажем.

Великое чудо...

И вот, со мной едет человек. Мы живем на одной лестнице. И сойдем на одной остановке. Он едет с женщиной. Такая, уже не очень, женщина... В первый раз ее вижу. А вот про него я как много знаю! Конечно, мы даже не здороваемся, незнакомы. Но в том смысле, что я хожу по улицам, вижу тысячи людей, — по сравнению с ними, я знаю о нем ужасно много. На одной лестнице все-таки. Так, от разу до разу, словно и не слушая, узнал о нем от разных людей. Отец, например, был с ним знаком, когда еще был студентом. И мама. Он вертихвост, по словам. Седой, немолодой уже человек, а вертихвост. Так и остался со студенческих лет. С тех пор они его и не узнали... Завкафедрой, седой человек, а вертихвост. Говорят, он замечательно катался на коньках, прекрасный был фигурист. Была у него первая жена. Умерла. Побродил, побродил — появилась еще женщина, с его кафедры. Вертихвост... Славная была, красивая. Ее я уже помню. Маленький был, а очень она мне нравилась. Дети у них были, Маша и Ваня. Ваня уже в школу пошел. А мама летела из командировки, и самолет разбился. Тогда весь Ленинград говорил об этом. С какой-то делегацией разбилась. И вот он ходит, вертихвост, с сеткой, набитой картошкой, фунтиками разными, ходит, фигурист... Пьяный все чаще. Худенький такой, седой, маленький мужчинка. Однажды совсем до дому не дошел — свалился. Завкафедрой, что студенты подумают!.. В газетах писали. А то — тащит его Ваня за рукав: «Ну, пойдём, папочка. Не надо, папочка...» Тащит домой. Самое великое — дом... Что — книги! А то — однажды подошел ко мне. Никогда мы не здороваемся даже. Подошел и с особым вызовом, гордо так говорит: «Дайте мне 15 копеек —

Из цикла
«Люди, которые...»

я вашего отца знаю — я отдам». Неловко ему было 15 копеек потом отдавать — не отдал... А когда трезвый, ходит такой неистребимый — седой, худенький, маленький — делает красивое лицо, по-особому проходит мимо женщины, подпрыгивает при каждом шаге, чтобы казаться выше. Вертихвост... И сейчас едет со мной в автобусе. Мы сойдем на той же остановке. С ним женщина. И слышу, говорят они на «ты» о делах кафедры. А времени двенадцать ночи, и едут они домой, туда же, куда и я.

Можно написать об этом рассказ, повесть, роман — все об этом же. И вряд ли это будет больше того, что сидит в автобусе маленький человечек...

И вот я... Достать, что ли, велосипед. Приспособить к ободам колес лампочки... Синие, красные, зеленые. Надеть на голову кепку-лондонку до ушей... И поехать. Темным вечером. Я еду — колеса крутятся. И с ними — лампочки. Зеленые, синие, красные. А у меня кепка-лондонка на голове. Зеленое, синее, красное... Словно это бал-маскарад. И шутики летают в небе, крутятся и сыплют искрами. И серпантин, и канитель... Или я сижу на лощадке и мчусь по кругу и машу флажком красным...

Ах, какая канитель-карусель!

Кружится, кружится...

Вот площадь. Что-то около одиннадцати. Эта круглая площадь, с круглым сквером посередине, и круглые шары фонарей вокруг сквера. И шары окружены каким-то круглым туманом. К этим шарам тянутся ветки, заиндевелые, белые. Автобус едет по кругу площади, и меня прижимает к стенке. Центробежная сила.

И автобус останавливается. У филармонии. Видно, кончился концерт. Это, наверно, субъективно — я редко

бывал в филармонии — там всегда масса девушек. Их почему-то даже больше, чем старушек, и, конечно, больше, чем парней. Почему-то они очень ходят в филармонию. И не то чтобы они были синие чулки и некрасивые — очень даже симпатичные девушки. И вот они садятся в наш автобус — одни девушки — концерт кончился — хорошенькие, модные девочки... Но что-то странное с ними. Какие-то такие очень каменные, холодные лица. Такое выражение. В общем, похожее у них выражение. Они даже совсем друг на друга похожи. Ну да, после концерта... Но все-таки... Почему у них такие лица? Ну да, вспомнил: сегодня концерт Имы Сумак. Какой-то второй или даже первый ее концерт в Ленинграде. Конечно же, это она! Я узнаю ее по фотографиям и рекламам. Конечно же, это она поднимается сейчас по ступеням автобуса. Одна, две, три... много! Двадцать одна Има Сумак вошла в автобус. А как они сидят, или как стоят, или платят кондуктору! Просто поразительно. Как они гордо скользят по моему лицу взглядом холодным и далеким, как вершины Анд. Не замечают меня. А я, можно сказать, единственный молодой человек в автобусе. Вот какая хорошая девушка — и тоже Има Сумак... Как она не заметила меня! Царица!.. Но вот, бедная, вдруг закапал нос, и она судорожно ищет платочек, и вся независимость спадает с ее лица. Она смущается, краснеет и косится, видел ли я...

Ах ты, моя славная!

Вот будет у меня когда-нибудь дочка. Назову ее Сашей. Саша — будет полное ее имя. Саша Андреевна.

Будешь ты, Саша Андреевна, моей дочерью. Ой, какая ты красивая, Саша Андреевна! Молодая и счастливая...

Из цикла

«Люди, которые...»

А вот вчера затащил меня приятель в один дом играть на бильярде. А шел я, между прочим, совсем в другую сторону. Очень мне было спешно. И вот встречаю приятеля, он мне говорит: «Пошли на бильярде...» И я иду, именно потому, что спешил и очень было надо.

И не очень-то я люблю бильярд. Я даже его очень не люблю. И вот гоняю шары. Они мечутся, кругленькие. Толкаются, щелкают, пихаются. Что-то одушевленное в них.

А дверь из бильярдной открыта. И через нее видно лестницу. Кусок лестницы. И в этом кадре все идут, идут, поднимаются девушки в белых платьях, в совсем одинаковых платьях. Идут чинно так, серьезно и плавно. И похожи на больших ночных бабочек со сложенными крыльями.

А мы удивляемся, откуда в Доме писателей столько девушек в белых платьях? А мы сняли пиджаки, и в рубашках, в углу рта сигарета, глаз прищурен, «оборот налево, дуплет в середину»... И так бьем, и так разгибаемся после удара — бильярд, писатели...

А по лестнице, в том куске, что виден в рамке двери, все идут, идут девушки в белых платьях. Как на закляние, на костер... Большие ночные бабочки.

«Откуда их тут так много? Восьмой направо в угол». — «Тут вечер какого-то института. Придется шар выставить...» — «А что одни девушки? Вот этот хорошо прошел, классный шар!» — «Они, наверно, думают, что среди писателей есть женихи... Ха-ха! На две лузы...»

А девушки идут и идут.

Сашенька моя, Андреевна!..

Все это можно понять... Вот автобус. Два сиденья напротив. На каждом из них мужчина и женщина. Сидят напротив женщины и мужчины. И все читают. А я стою

над ними, держась за поручень, и вижу их затылки и раскрытые книжки. Я не знаю, какие это книги, и пытаюсь узнать по тексту. Текст прыгает.

«Цельми днями... Ли-ли... Лилиан лежала у моря... и в саду, который окружал ви-ви... виллу Ле... Лева... Левалли. В этом запущенном романтическом саду... саду встречались... на каждом шагу встречались мра... мраморные статуи, как в стихотворениях... Эй... Эй... Эй-хен... дорфа».

ТЬфу, пропасть!

«Лучше прожить пять лет... чем про-про... про-су-щество-вать, просуществовать пять минут». Что — лучше? Лучше просуществовать пять лет, чем прожить пять минут? Или лучше просуществовать пять минут, чем прожить пять лет? Или прожить пять лет, чем просуществовать пять минут?

Тоже непонятно. Почему? Кто это так уж точно знает?

«Счастье, конечно... в любви...» В любви? Ну, конечно. Счастье в любви. Ничего особенного. «... но взаимной». «Счастье, конечно, в любви, но взаимной». Не правда ли, как замечательно сказано! Подумать только.

Ну еще... Последняя. Что пишут в последней?

«Как же удержать этого... этого... огненного... нет, ог-нен-но-кры-ло-го Ки-ки... этого Ки-ки... Этого Ки-фаре-да, чье безмолвие яснее слов говорит о желании». Яснее слов говорит о желании? Как-то не очень ясно говорит. «Насытить его — значит рас-статься с ним». Кого насытить? Этого Кикифареда? А расстаться с чем? Тоже с ним. Или с желанием?

Нет, с меня хватит...

И, пожалуй, как понять друг друга? Ох, уж эти книжки! Пассажиры! Вы же сидите рядом, вы сидите напротив: жен-

Из цикла

«Люди, которые...»

щина рядом с мужчиной и мужчина напротив женщины... И ни черта не понимаете! И не смотрите друг на друга...

А тут предъявляют автобусные карточки. Вы обращали внимание, как это делается? Вот старик вынимает карточку и показывает. А кондуктор в это время рвет билеты и на него не смотрит. А он говорит: «Карточка». И он кладет ее обратно в карман. А потом снова вынимает. И говорит: «Карточка». И лицо у него такое... Что и не безбилетник он, а, наоборот, имеет право, и желание показать достоинство и абсолютная мольба на лице: «Обратите внимание!.. Карточка!»

И вот, наконец, Новый год! Я еду в автобусе. Еду встречать. Это же самый прекрасный, самый искренний и естественный праздник в году! Старое забыто — начинается новое... Как мне всегда хочется, чтобы праздник этот был чист, светел и красив! И я еду начищенный с ног до головы. А в кармане у меня соседкины пудреница и карандаш, а то даже бальные туфли, по одному в боковых карманах.

Автобус набит. Все красивые. Все шумят, смеются. Все радуются. Будет праздник. А праздник, быть может, — только ожидание его. И все напьются, будут пьяны, и мильон девушек потеряет свою невинность, будут разбиты тонны посуды... И недоедены, расплеваны, разблеваны тонны еды. Пищи... И все равно едут и едут на дни рождения и Новые года. И Новые года идут один за другим. Новые года — детские — елка и подарки под елкой и рано спать. Новые года — подростковые — посидеть немного за столом со взрослыми, молчать, краснеть — «жених растет» — и позволенная рюмка со всеми. И Новые года — не дома, а в компании — жмет рубашка,

а рядом твоя соседка, и пить, пить, словно только это и делал всю жизнь, и потом ничего не помнить...

И ты едешь, едешь в автобусе встречать и встречать Новый год, Новый год...

И вот я не еду встречать Новый год в автобусе... Это самый мрачный и, пожалуй, самый чистый Новый год в моей жизни. Я новичок, салага. Всего две недели в армии. И — ни копейки. Не открыть ни бутылки, ни даже пачки папирос. И приказ по отряду: в новогоднюю ночь — всем дома. Дома... То есть в казарме. Но старички кто ушел в самоволку, кто так нагулькался. А нам, новичкам, — и нечего. Кто-то пил одеколон. Но вот и одеколona нет. Кто-то разводит зубную пасту. А я... Я получил сразу три письма из Ленинграда, первые письма сюда из дому: от мамы, друга и от нее. И я не вскрываю письма, жду, чтобы открыть их в двенадцать. И мне погано. В основном погано потому, что завидую, завидую... И мне кажется, бог как весело! встречают там, в Ленинграде. И память подсказывает только соблазнительное, прекрасное, радостное. И растрavляю, растрavляю себя и не могу остановиться. Потому что я верю, верю, что они любят меня там... Но все они сейчас встречают, и пьют, и не помнят обо мне. Конечно, вспомнят — но забудут... Потому что я — не к празднику. И мать — она любит меня больше всех — и она сидит сейчас дома, и богатый стол, и все вокруг любимые люди — и хорошо. И друг, он, конечно, предложит за меня тост, там, среди друзей, и все вспомнят и погрусчат секунду и чокнутся от дури. И она... Она верна, верна!

И какой-то азиат жалеет меня и угощает меня планом. Я выкуриваю папироску. И вот мне смешно-смешно. Боже,

как мне смешно! Какие все остроумные люди, какие лица! О, боже... А потом я опираюсь о нары и плыву, плыву... Корабль, ночь. Звезды, ветер. А потом я мушкетер. Атос или д'Артаньян. И потом иду по залам, залам, и все прекрасные картины по стенам. Никогда не видал такого прекрасного...

А потом я просыпаюсь. В поту, голова разламывается. Где я? Почему? А по радио кончаются двенадцать ударов. И я вспоминаю... Самая большая радость — я ведь ее ждал весь день — вскрыть письма! Но во мне нет радости. И я прочитываю их кое-как. А потом всю ночь не могу уснуть от головной боли и кашля.

И вот я снова еду в автобусе встречать Новый год. И все едут. И, наверное, думают, что все, все едут встречать Новый год в автобусе. Или они и не думают об этом. Конечно, не думают. Ведь праздник.

А с кем-то несправедливо поступили, кто-то потерял все деньги, у кого-то вообще все пошло прахом, кто-то умер только что и у кого-то умерли, кто-то встречает Новый год в поле, кто-то в тюрьме. Их тьмы, этих людей. Они не едут в автобусе. А мы себе едем и едем. Все встречаем и встречаем Новый год за Новым годом.

Все пируем...

Вот иду я по улице, возвращаюсь, допустим, с работы. Рабочий день, значит, кончился. Освободился я. Решил пройтись пешком по набережной. Солнце, воздух. Реденькие, жиденькие стоят топольки. Будут когда-нибудь большими. А я старым. Можно будет что-нибудь по этому поводу сказать. Помню, как их сажали, например. А сейчас я молодой, освободился я, иду по набережной. Корабли стоят на приколе. Солнце греет. Матросы на ко-

раблях ничего не делают, греются. И музыка на корабле играет. Изумительная такая, дешевая музыка.

А поцелуев, извините, нет.

Ох, какая же это музыка! Что-то такое за душу берет... Конечно, вкус. Конечно. Люблю Баха, не люблю Сен-Санса. Симфония — да, джаз — да, оперетта — нет. Но песенки... Ах, эти песенки! То, что много лет хранилось в тайне.

Вкус — да! Да ну его к черту.

Иду я, к примеру, в вышеописанной обстановке, и так мне хорошо, так сладко, так щемит что-то... Плакать хочется. Тут около меня притормаживает ЗИМ. И вижу — там генерал. Да не просто — две звездочки. Остановил шофера-солдата, дверцу открыл, высунулся и обращается к милиционеру, как проехать туда-то. А милиционер не знает. И вдруг — странное дело — я каким-то волчком завиваюсь, забегаю, чуть не сгибаюсь и говорю: туда-то и туда-то, направо и налево, так-то и так-то. А голос дрожит гаденько-гаденько и даже выше стал. И машина уехала. А я стою, провожаю взглядом и поза вся неестественная: скорченная и слюна чуть не капает. И вдруг понимаю: что ж это я, ведь я же терпеть генералов не могу, ведь я же чины ненавижу! Я всегда так говорил и говорю и думаю так же. Что же это такое!

Так стыдно, так стыдно.

Что это?

Что это?.. Почему бы мне не убить вот этого человека? Он сделал мне гадость, или он мне мешает, или просто мне не нравится его физиономия. Почему бы и нет? Почему бы мне не растлить собственную дочь? Или не вы-

красть десять тысяч золотого займа из бабушкиного стола?

Почему я не делаю всего этого?

И почему все-таки, раз я так не поступаю, то все же, часто, поступаю грязно, погано, подло? И почему, в таком случае, иногда я поступаю хорошо, чисто, благородно?

Почему? Зачем? Для чего?

И вообще-то, если представить, то вся жизнь — скопление каких-то обстоятельств. Они могли быть такими, но могли быть и другими. И от каждого из таких обстоятельств — своя цепочка, своя жизнь. И тогда, почему бы не рассмотреть свою жизнь так, что она могла бы быть тыщу там разной и где-то, в одном случае, прекрасной? Может, я рожден быть чем-то вовсе другим? И только какое-то чудовищное и нелепое стечение обстоятельств помешало мне? Например, где-нибудь в Африке быть пигмеем... Представляете, охотиться на зебр?..

И еще хорошая специальность — водитель моторолера. Наверно, им неплохо платят. Пожалуй, это здорово — возить молоко и книги. Ехать — бутылки в кузове звяк-звяк! Заходить в разные квартиры, и там тебя уже знают: «Может, выпьете чайку?» А вот в этой квартире открывает всегда такая славная девушка...

Но только последнее время, мне кажется, они стали ужасно носиться. Наверно, их перевели на сдельщину. Вот они и носятся. Выжимают из своих пердунков все, что можно. А треску!

Хорошо также варить варенье. И надписывать на банках «клубника отличная» и ставить дату, или «смородина удовлетворительная» и дата. И ставить банки на шкаф

плотными рядами. А потом составить их опись. Хорошо — разбираться в хламе. Сортировать. Рассортировав, заворачивать в бумагу, перевязывать бечевкой и опять же надписывать «обивка от бывшей ширмы» или «пластинки битые» и опять же класть на шкаф.

Все это очень хорошо.

Теперь еще и снег пошел — подумать только... А ведь весна.

А мама хочет сервант. Никто ей не сочувствует. А ей очень хочется. Я говорю, зачем сервант? А она говорит: мало ли кому чего — просто охота...

Ничего... Все — будет ничего.

Вы, говорят, слишком молоды... А я говорю, не виноват.

Вот сейчас хожу и думаю: вот об этом бы написать, и об этом. И вон об том...

А потом, страшное дело, буду ходить и — о чем бы написать? О чем? Мое же дело?! Об этом? Но почему же именно об этом? Или о том? Тоже ни к чему...

И еще говорят:

«Кто это у нас такой маленький-маленький! Кто это у нас под столом ползает? Кто это такой холесенький-холесенький! Ух ты, гули-гуленьки... Ах ты, цыпочка-цыпа! Кто это у нас такой квадратненький! Угловатенький такой кто у нас? У-тютюшеньки-тютю. Кто это у нас такой несознательный-несознательный! Такой недооценивающий-недооценивающий?.. Какой миленький маленький авторчик! Ух ты, мой поросеночек...Все пишет и пишет, пишет и пишет. Ах ты, сладенький... Сейчас я тебя съем-съем. Тпруашеньки и аашеньки не хочешь? Ух ты, бады-бады! Ух ты, бады! Ах ты, неполноценненький мой... Что

Из цикла

«Люди, которые...»

же, ты не то пишешь? Ой, гулюсенки мои!.. Что же ты извращаешь? Правду, говоришь, пишешь?.. Ах ты, негодненький! Говоришь, искренне надо?.. Ах ты, сволочь, мракобес... а я-то думал, ты заблуждаешься! Я-то тебе верил, гад!! Скоро праздник. Мы будем демонстрировать свою мощь! А ползучие гады будут высовывать свои жала изпод ворот... И ты, ты будешь там!!!»

И действительно, кому хочется быть ползучим гадом и высовывать свое жало?..

Вот сейчас приеду домой и все, все приберу! Вымою, выколочу, выброшу все ненужное и открою форточку. И надену чистую рубашку. Все приберу, приберу и начну жить сначала.

И в голове тоже порядок наведу. Все негодные мысли отброшу. Выкину их, негодяек! Потом заплачу все долги, все выполню, что кому обещал, и напишу всем письма и сделаю всем приятные сюрпризы...

Стану жить по режиму, вылечусь, вставлю зубы, буду делать по утрам зарядку и обтираться холодной водой. И каждый день буду бегать вокруг Ботанического сада.

А когда, после всего этого, я стану абсолютно свободен, я поеду за город, заберусь в лес, там будет полянка, лягу на спину и буду смотреть в небо.

И так буду лежать на спине и смотреть в небо долго-долго — всю жизнь.

1960—1961

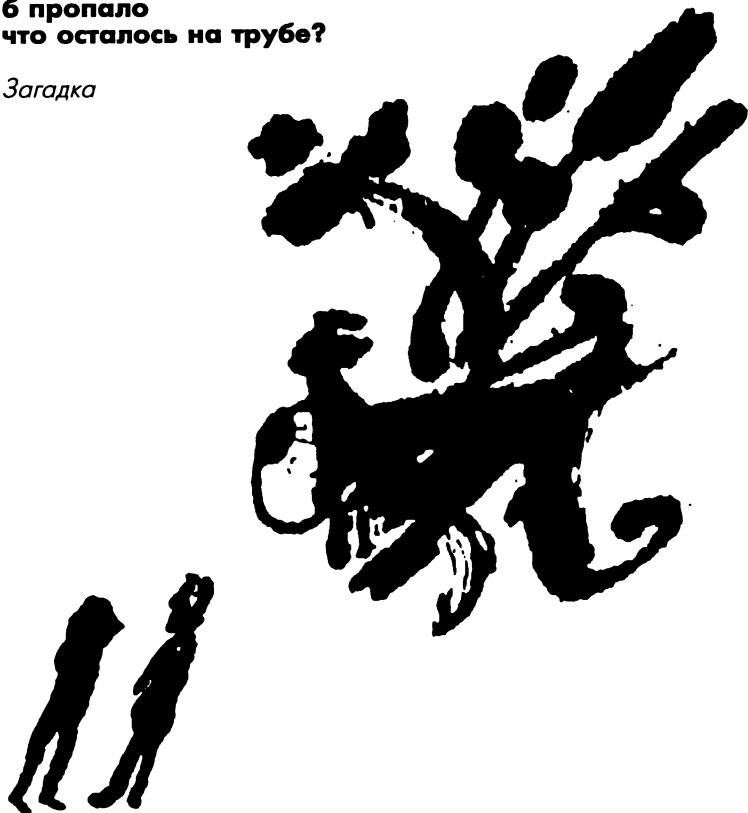

Из моей замечательной корзины

**а и б
сидели на трубе
а упало
б пропало
что осталось на трубе?**

Загадка

Моя замечательная корзина

Сегодня моя тетка выбросила на помойку совершенно новую корзинку. Она всегда выбрасывает эти чудные корзинки, абсолютно не находя им применения. Сегодня я забрал эту корзинку. Такая замечательная корзина! Просто я удивился, как это я не догадался забирать их раньше. Белая, плетеная, аккуратная... Так у меня все без места, а тут я могу положить это в корзину. Очень современная у нее форма... Я положу в нее журналы, которые валяются, где попало. Или я положу в нее газеты? Газеты копить ни к чему — только пыль. Впрочем, можно вместе: журналы и газеты. Можно складывать в нее грязные носки. Или всякие иголки, нитки, пуговицы. А можно поставить ее на стол, а в ней рассыпать — так красиво будет выглядеть! — букеты цветов, которые я буду собирать этим летом. Я положу в нее фрукты. Бананы. Ананас. Приспособлю ее под хлеб. Под сухари. Буду хранить в ней письма. Канцелярские принадлежности. Фотографии. Фотопринадлежности. Спортивный инвентарь. Гайки, гвозди и другие детали хлама. Курительные принадлежности и разных сортов сигареты. Бутылки с разным вином. Пустые бутылки. Веревки. Старые тетради. Библиотечные книги. Аптечку. Я сделаю из нее абажур — это будет замечательный абажур! Постель для кошки. Лучше заведу щенка. Бульдога? боксера? дога? ньюфаундленда? Лучше маленькую собачку. Ежа. Ужа. Какая чудная пепельница!!

А рукописи?..

77

Чернильница

(Из рассказа «Бездельник», черновой вариант)

... Есть еще гигантомания: скрепки-гиганты, чернильницы-соборы и кнопки с пятак. Интересна также иерархия чернильниц и всяческой канцелярской роскоши. Вот, допустим, вам бегунок подписать, так можно все это проследить. Есть чернильница-шеф, вы представляете, даже выражение у шефа на лице такое же! Есть чернильница-зам. Кажется, и нет почти разницы, тоже роскошная, а все-таки — зам. И так далее, и так далее, ниже и ниже. То есть просто, наверно, промышленности трудно справляться с таким обширным ассортиментом, чтобы каждому чернильницу по чину. Ведь даже промышленность такая есть, вот в чем ужас! Есть и самая ненавистная мне чернильница-руководитель. Однажды, в самом начале, поручили мне эту чернильницу наполнить. Чернильницу руководителя. И я — конечно, это только я так догадываюсь — не бутылку с чернилами принес, а весь прибор забрал с руководительского стола и понес из кабинета, через наш огромный отдел, к бутылке с чернилами. Руководитель, помню, еще так удивленно на меня посмотрел, но я не придал значения. Да ведь и не только по нелепости своей понес я чернильницу к бутылке, а не наоборот. Не совсем ведь достойное вышло поручение... И захотелось мне подчеркнуть это. Туда еще ничего: на злости не заметил, как дошел. А обратно... чернильницы я, конечно, переполнил, так что чернила мениском своим торчали над краем... и вот несу, мелкими шажками такими такими переступаю, не дышу уже — какая там злость! — доска мраморная скользкая, чернильницы скользкие — по доске катаются, а между

ними какой-то медный собор крышкой бренчит. И чего, думаю, он вечной не пишет... Доношу до самых его дверей, и тут как раз дверь открывается — до чего ж хорошо получилось, думаю я, а то я все шел и страдал, как я дверь отворюю... — распахивается, и в дверях женщина, и до того красивая, что такой ни разу у нас на работе я не видел. Выходит она — и я перед ней, с чернильницей. Я, конечно, глаза растопырил и галантно так в сторону отхожу, чтобы даму пропустить. И она, конечно, тоже отступает, чтобы пропустить меня с моими чернилами. Внимательно так на меня посмотрела. И до того мне тотчас неловко стало: чего это я чернильницы разбежался носить! А женщина отступила, дверь придерживает и говорит: «Вы проходите, проходите». И я прохожу. Боком почему-то, лицом к женщине. И тут этот чернильный постамент у меня чуть наклоняется и чернильница с него на пол — прыг!.. лежит так на боку, и аккуратная лужица по полу расползается. И я, конечно, — нет, чтобы плюнуть и идти дальше, нет! — держа прибор в одной руке, наклоняюсь подобрать — и тут — прыг! — вторая. Тоже на боку лежит. Рядышком. Вспомню — трясет. И еще трясет потому, что руководитель вроде бы все тогда понял и ничего мне не сказал. До того он у нас чуткий. Не стал размазывать. Лучше бы орал. А как уж он этой своей чуткостью все размазал!.. Лучше бы хохотал. Ведь смешно же! Ведь это же дьявольски смешно... Вот она чернильница-руководитель!.. Стоит себе. Покоится. Ничего нет хуже средних чернильниц! Весь ужас чернильниц-черни и чернильниц-бояр соединился в ней. Да что говорить! Даже в красном уголке есть своя красная чернильница...

Из цикла «Пипифакс» (1962)

1. Подводя итоги

Чего я достиг?

7 Витек, и

5 Санек, и

1 Феликс

непрочь со мной выпить...

Ну и что?

2. Холостяк

Вы набираете номер...

Вам говорят, что вы ошиблись...

Вы думаете, вы не туда попали?

Как бы не так!

Все подстроено.

У этих охотящихся женщин — знакомые телефонистки... Эти телефонистки... Нет, вы совершенно правильно набрали номер. Это они переключают мужчин. А вы замечали, что всегда, когда вы не туда попадаете, какие это все прия-я-ятнейшие женские голоса?..

3. Очень грустная история

Одна бабушка жила совершенно одна. Куда ей деньги? Деньги она прятала в валенок. Однажды села на сундук, отдыхает. Посмотрела на печь — думает: «Печь». Видит — валенки, думает: «Валенки». Ну да, валенки... Куда ей валенки? Стоят себе и стоят.

Отправилась на базар, продала валенки. Приносит деньги домой, хочет спрятать. Где валенок? Ну да, валенок... Ах ты, боже мой, господи, валенок!!

4. Чересчур большая рыба

А вот у нас большую-большую рыбу поймали. Акулу-кашалота. Большая-большая!.. Я как раз на работе был. Честное слово. Работал я тогда там. Кого хотите спросите. Работаю это я... А у меня там дружки были... Прибегают, говорят: акулу поймали! Большую-большую. Кашалота. Ну, побежал я с ними. Прибегаю, значит. И вот... действительно... лежит акула... большая-большая!

5. Триумф яйца

Что случилось с этим человеком? На нем лица нет. Лицо есть, но такое растерянное... Может, у него состояние?.. Когда все вокруг теряет радость и красоту? И все непонятно и бесцельно? Почему — для кого — зачем??? И вообще есть ли хоть один предмет?

А может, у него в кармане было яйцо всмятку? И он о нем совершенно забыл? Забыл и жил так, будто у него нет в кармане яйца? И когда полез в

карман за сигаретами или за мелочью, то почувствовал — все это?..

6. Несколько слов о Бетховене

Вот только непонятно, почему, к примеру, Бетховен не писал научно-фантастических романов? Космос, например... Что, это ему было неинтересно, что ли? Не близко? Неужели его это не волновало? Безграничность познания и возможность достижения неужели были ему чужды? Неужто он не мог оторваться от окружающего его быта? И ему не хотелось помечтать о светлом будущем? Или, может, у него не хватало способностей? Воображения?.. Ну да, ведь он был глухой.

7. Пять сотых

Проголосовало 99,95%, и я замечаю, что с детства, когда еще ничего не имел в виду, думаю об этих 0,05.

Я беру двести миллионов, делю на сто, умножаю на пять сотых — получаю

$$\begin{array}{r} 200\ 000\ 000 \\ 0,05 \\ \hline 100\ 000 \end{array}$$

Кто они, эти сто тысяч?

Из цикла «Пипифакт» (1962)

38

Теперь не то

Уж теперь не то, что было прежде!
Грустно мне, как вспомню о былом:
Раскрывалась сладко грусть надежде
И мечтам о счастье земном;

.....
Жизнь теперь я лучше разумею;
Счастья в мире перестав искать,
Без надежды я любить умею
И могу без ропота терять.

*Ю. В. Жадовская
(«Чтец-декламатор», 1908)*

Кто?..

На перроне стоял почетный караул, мимо которого провели Ильича и всю нашу эмигрантскую братию, потом нас посадили в автомобили, а Ильича поставили на броневик и повезли к дому Кшесинской.

(Из воспоминаний старого большевика, 1961)

Комиссары...

...Дакаленко, Петленко, Кошелев, Брюзгин и Плохов.

Хотя вождь умер...

Одним их основных условий подготовки полноценного, всесторонне образованного работника советской музыкальной культуры является глубокое и творческое овладение марксистско-ленинской наукой, знание которой, как учил нас товарищ Сталин, необходимо для людей всех профессий. Марксизм-ленинизм формирует весь склад музыканта, его облик. Советской стране нужны не узкие профессионалы и индивидуалисты, а активные деятели искусства, способные внести достойный вклад в советскую музыкальную культуру.

До сих пор мы имеем факты беззаботного отношения к изучению марксистско-ленинской науки. Студент Ясневский, обладая определенными данными по специальности, проявляет полную беспомощность в вопросах марксизма-ленинизма. Он растет музыкантом-ремесленником, не способным к подлинному творчеству, ибо не понимает задач советского искусства. Не считают для себя нужным и обязательным изучение гениального труда товарища И. В. Сталина и материалов XIX съезда партии студенты Копылов, Иоаннисиани, Лейбенкрафт и другие. И это в то время, когда труд товарища...»

*Из многотиражки Ленинградской консерватории
«За музыкальные кадры», 1953*

Низкое давление

Беседуя с конструкторами, Н. С. Хрущев дал ряд практических советов, как изменить систему сцепки, чтобы смену тележек для измельчения соломы производить без остановки комбайна.

— Будет большая ж экономия и времени, и горючего, — подчеркнул Никита Сергеевич, — и производительность машин повысится.

На этом же поле, где только что убрана озимая пшеница, работал новый, необычного вида, большой колесный трактор мощностью 130 лошадиных сил. Он производил глубокую вспашку земли пятикорпусным плугом со скоростью 9 километров в час. Транспортная скорость этой машины достигает 35 километров. Никита Сергеевич заметил, что для этого трактора нужно сделать шины низкого давления, чтобы он мог работать так же производительно и ранней весной на влажной почве.

После осмотра хозяйства председатель колхоза Г. С. Могильченко пригласил Н. С. Хрущева и сопровождающих его лиц к себе в дом на завтрак.

«После XXII съезда»

Пророчество

Дружески настроенная к нам американская писательница Бесси Битти после пребывания своего в Поволжье в голодный 1921 год встретила в Москве с Лениным и спросила его: «Что передать Америке?». Ленин ответил: «Так и передайте: „Мы не завидуем ей даже в нашем нелегком положении.»

Она богата, мы бедны, она сильна, а мы еще очень слабы, она, быть может, даже сыта, мы... — он умолк, сурово взглянув на небо. — Но у нас есть то, чего нет у нее, — вера. А это даст нам все: и силу, и хлеб... много хлеба“».

Так сказал Ленин в 1921 году.

(Блокнот агитатора, 1961)

1 мая 1961 года

Мы, сомалийцы, знаем о страстных выступлениях Никиты Хрущева против империализма, в защиту народов Африки, и говорим ему: Сердечное спасибо!

Субер Это Осман и Абдул-Кадер Абукеф Магди

Внешняя политика

Советско-турецкие отношения были омрачены в послевоенный период рядом осложнений. Однако Советский Союз и Турция — по-прежнему ближайшие соседи.

Пензенский почин

— На нашем призывном пункте — настоящий «урожай» на близнецов, — шутит майор из облвоенкомата. — Среди призывников восемь пар братьев-близнецов. Все они направлены для прохождения действительной службы в одну часть.

Армия

Около четырех миллионов человек в СССР играет в шашки. В их числе — более шестисот мастеров, восемь гроссмейстеров. Но популяризация шашек среди детей и юношества ведется пока слабо.

Вот в чем все дело

Туркмения: без осадков, плюс 26—31.

Москва: ветер, дождь, утром минус 3—5.

Знай свой город

Одно из бывших помещений духовной семинарии (д. № 17) занимает лыжный цех катушечной фабрики имени Володарского.

Прикладное искусство

Интересны вазочки для цветов в виде скульптуры. В работе скульптора В. Пермяк изображена девушка, несущая корзины цветов. На дне корзины имеются отверстия, соединяющие корзины с «туловищем» вазы.

А что нового появилось в одежде мужчин?

В этом сезоне палитра мужской одежды обогащается зеленоватыми, изумрудными, синими цветами. В то же время самый модный — черный цвет.

Растет импорт

Внимание потребителей!

Не давайте детям играть с этим мешочком.

Иначе, если ребенок наденет по ошибке мешочек с головой, то он может задушиться, так как этот мешочек сделан из воздухонепроницаемой пленки.

Самое эффективное средство, которое огромным успехом атакует перхоти, этот неприятный космический дефект.

Мазать корни волос, помощью ваты, легко массируя, оставить так просидеть 20 минут при взрослых, а у детей 10 минут.

Надо употреблять очень внимательно, чтобы препарат не попал в глаза и в рот, чтобы не причинить отравления. Препарат СУЛЬФОСЕН используется только для устранения перхоти.

Япония

За рубежом

Некролог

Последний индеец племени ямана умер в аргентинском городе Ушуая. Родиной племени была Огненная Земля. В 1850 году оно насчитывало 3000 человек.

Яманы не имели никакой политической организации, слово старейшины считалось для них законом. Они были небольшого роста — всего около 150 см, жили в хижинах, крытых травой или овечьими шкурами. Язык племени делился на 5 диалектов.

Полезный совет

Как быть, если ваш муж или сын порвал шерстяные брюки, зацепившись за гвоздь? Ответ на этот вопрос дает французский журнал «Рабочая жизнь». Оказывается, надо сдвинуть как можно ближе края разрыва, взять кусочек той же материи, густо смазать его яичным белком, подложить под разорванное место и пригладить с изнанки горячим утюгом.

Где третий?

Фернли Г. Р., Чакрабартти Р., Винцент Ц. Т. Влияние пива на фибринолитическую активность крови. Ланцет, 1960. Великобритания.

Предварительные эксперименты с участием 2 человек показали, что пиво из бочки и белое вино в значительной степени понижают фибринолитическую активность крови; виски, джин и чистый спирт не обладают этим действием.

Слабая психика

Хронофобия — безудержное стремление к уничтожению стенных часов.

Псевдолалия фантастика — навязчивое стремление сознаваться в краже вещей, которые не были украдены.

Танатомания — болезненное пристрастие к чтению некрологов.

Ретифизм — патологическая страсть к покупке ботинок.

Таффефобия — боязнь быть похороненным при жизни.

Уранофобия — боязнь улететь на небо.

Франция

На досуге

Один из играющих берет носовой платок и, сказав первую половину какой-нибудь пословицы, бросает его в кого-нибудь из играющих, а затем считает до трех. Тот, в кого брошен платок, должен тотчас же, пока считают до трех, сказать вторую половину какой-нибудь совершенно другой пословицы.

Например, бросивший платок говорит: «На то и щука в море...», ему же отвечают: «... а сам не плошай».

Чем несообразнее получается ответ, тем больше в нем юмора. Не успевший ответить выбывает из игры.

Из отрывного календаря

Из цикла «Подлинник»

1. Фенолог

...Благоухает пчелиное раздолье медоносных цветов. Дружно сразу зацвели деревья, кусты, травы. «Черемуховые холода», как обычно, замедлили роспуск раннецветных растений, и в строй к ним подвинулись по очереди предлетние цветы: в руках перемежались букеты черемухи, сирени, ландышей. Совпали вместе весенние цветы садов и леса.

Климатический цикл «зеленой весны» не уложился в свою норму — 35 дней — и на декаду отдалил начало предлетия. Воздух посвежел, и после первого за полмесяца благодатного дождя холодно стало на Севере и в Сибири. Климатической приметой недаром считается, что июньское похолодание обычно завершает центральный сезон весны. Именно в первую декаду июня в отдельные годы прихватывали ночные заморозки на почве и даже выпадали очень редкие пороши скоротечного снежка-нележка (как в 1947 и 1904 гг.).

Безоблачно прошла нынче на редкость солнечная весна, но буяны-ветры ознобом баламутили, остужали циклический воздух ранней и зеленой весны. И нечаянной особенностью отличился исключительно безгрозовой май тихого неба, без грома и молний. Только соловьиный «гром» слышен в сирени.

Между роспуском почек и цветами сирени и рябины обыкновенно проходил ровно месяц, а нынче

вышло полтора месяца, почти на полмесяца раньше заторопились зеленеть вздутые бантом почки, а распустились через полтора месяца, в средний срок. От зеленых пик-почек до цвета черемухи тоже прошло больше времени, а именно: восемь пятидневков вместо нормальных пяти. Фаворит садов — жасмин — пока обутонивается.

В первой декаде июня при среднесуточной температуре воздуха в 14,7 градуса цветут 19 главных медоносов и вновь расцветают два древесно-кустарниковых и шесть травянистых медоносов.

От цветов черемухи до конца цветов сирени идет последняя, третья фаза фенологической весны. Это климатическое предделье.

6 июня 1961

2. Активист

Первому секретарю
Петроградского РК КПСС
т. ГРЕЧУХА Н. А.
члена КПСС пенсионера
Демидовой О. Д.

Мы живем в замечательную эпоху, эпоху строительства Коммунизма.

Сейчас, когда миллионы людей советских учатся работать и жить по-коммунистически, когда семилетка шагает семимильными шагами и творит чудеса, когда рождаются новые формы коммунистического воспитания через народные университеты, которые пользуются большой любовью трудящихся по месту жительства, нельзя не отметить, что по индивидуальному воспитанию советских людей в духе

коммунизма, по месту их жительства, еще многое не сделано.

Если бригады Коммунистического труда на заводах и фабриках в борьбе за выполнение плана семилетки рождают нового человека Коммунистического завтра, то в быту — в домах и квартирах — еще мало сделано. А опоздать немного с воспитанием нового человека, можно задержать наш приход в то новое, светлое и радостное, что зовется Коммунизмом. Наш Петроградский район был первым инициатором широкого развертывания работы среди населения по месту жительства. Полагаю, что мы можем смело продолжить начатую инициативу и внести на рассмотрение предложение — «О СОЗДАНИИ КВАРТИР КОММУНИСТИЧЕСКОГО ЗАВТРА».

Каждая квартира берет на себя следующие обязательства:

- 1) Безупречно-моральное поведение всех проживающих в квартире;
- 2) Взаимопомощь друг другу;
- 3) Повышение своего идейного и культурного уровня через (нрзб.) университеты, кинолектории, музеи и другие культурные учреждения.
- 4) Сохранение жилого фонда как государственной собственности.

Работа трудная, кропотливая, долгая, но и вполне выполнимая. Такая работа под силу нашей многочисленной армии агитаторов и, если мы ею займемся сейчас и немедленно, то будем шагать в ногу со всем рабочим классом нашей страны.

Всякое промедление недопустимо!

3. Истица

Привет из Свирска

Здравствуй Михаил.

Из моей замечательной
корзины

С приветом к тебе Надя и мой супруг Николай и Леночка. Сообщаю что письмо я твоё получила за что большое спасибо. Но меня очень удивило что ты нашол мой адрес и прислал мне письмо. И вот я сейчас пишу тебе письмо и думаю что всё так было хорошо но повернулось в другую сторону, а почему ты знаешь сам писать не надо, я только одно напишу что виновна она сама и ненадо было ей злить меня или же после всего этого могла же она прийти к нам и сказать черт или ещё что сказать что мол прости Михаил мы разберёмся и уплотим тебе всё что будешь ходить по больничному но заместо этого она начела орать то что я блять и такая секая и переодакая, но я надеюсь честнее её, и мне сейчас всеровно с ней не встретатся и стобой тоже может не встретимся но как она говорила что я стобой путалась и прочеё но это была ложь, ведь ты знаешь а если бы нужно былобы то я бы стобой и могла ходить когда ты был еще парнем, а когда ты уже стал мужиком то ты для меня был просто хорошим другом или как ты говорил моим родным что моя сестрёнка Надька, а вы мои мать и отец, и вот поэтому она ревновала, а когда ты уехал домой к себе то она тебя ждала, а с Гигивау Вовкой спала, но я думаю что ты от меня

слышишь первый раз не смотря на то что ты у меня спрашивал но я всё говорила что Миша это неправда, а ты отвечал что я всё знаю и можешь не скрывать, но я молчала, а после того как тебя посадили она через неделю уже нашла солдата и всё говорила что это к Надьки ходит а не мой, но когда Бутин и Сеньчуков увидели её в кустах то ей и крыть больше нечем и пошла мольва по посёлку что мол пришел солдат Надькин но пошел Толя к Жени, и она после стала отвечать, мой чемодан кому хочу тому и дам и останется мужу.

Миша ты спрашиваешь на помилование, я не против и могу подписать твоё заявление и живите сней если что это поможет.

Миша немного себе живем мы хорошо и дружно Леночка уже большая четвёртый год с декабря пошел. Вот я пишу письмо а Ленка бегаёт и говорит кому письмо пишешь а я говорю что Юрьному папы а как его звать я говорю что дядя Миша, а когда он придет суда. Миша посылаю тебе фото с мужем сосвоим если можешь то вышли своё он хочет посмотреть тебя.

Новот и всё жду ответ

Надя

Жму руку.

Мой адрес. Лен. обл. Лодейно польский р. н. п/о
Старая слобода.

Жигаренко Над. Сергеевна.

4. В мире мудрых мыслей

(Из дневника незнакомки)

Умей жить тогда, когда жизнь становится невыносимой (Н. Островский).

Человек создан для счастья, как птица для полета (Короленко).

Хорошо чувствовать себя одной, но плохо чувствовать одинокой (В. Кетлинская).

Тяжела и невыносима рана, если она нанесена любимым человеком неожиданно и внезапно (Логунов).

Достоинство девушки — это ее чистота, доброта и скромное поведение.

Лучше прожить 5 минут, чем просуществовать 5 лет (Белинский).

Истинная любовь страдает молча (Е. Мальцев).

Наука это не каток, по которому скользят по поверхности (Добровольский).

Не годы сближают людей, а моменты (К. Маркс).

Лучше умереть стоя, чем жить на коленях (Долорес Ибаррури).

Человек! Это великолепно! Это звучит...* (М. Горький).

Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему только один раз. И прожить ее надо...** (Н. Островский).

Любовь — это очень нежное робкое чувство, и очень нехорошо, если в ней начинают копать посторонние (Медынский. «Повесть о юности»).

* Сокращено мною. — А. Б.

** Сокращено мною. — А. Б.

Умей любить так, чтобы пройти мимо ста лучших и не оглянуться (Ауэзов).

Настоящий человек — это то, что скрывается под внешним человеком (Пименов).

Капля долбит камень не силой, а частым падением (Флеминг).

Товарищество — это не дружба, но от товарищества до дружбы один шаг (Лермонтов).

Нет ничего тяжелее, чем измена первого друга (Маркс).

Замарать себя в глазах людей легко, а очистить трудно (Панова).

Превосходная должность — быть человеком на земле (Горький).

Не всегда говори, что знаешь, но всегда знай, что говоришь (Локотков).

Высший судья — совесть (Горький).

Лучше ждать и не дожидаться, чем найти и потерять (Маяковский).

Ревность — одна из отвратительных черт в человеке (Локотков).

В человеке должно быть все прекрасно: и одежда, и лицо, и мысли (Чехов).

Вторично пережить нельзя, что было пережито раз.

Счастье, конечно, в любви, но взаимной (Г. Матвеев. «Семнадцатилетние»).

Юность дается человеку только раз в жизни, и...* (В. Белинский).

Жизнь — сложнее всяких схем (Л. Леонов. «Дорога на океан»).

* Сокращено мною. — А. Б.

5. Игра на вечере

*(Кабинет культпросветработы
и искусствоведения ЛВШПД ВЦСПС)*

Когда молчит оркестр, когда Вы хотите отдохнуть от танцев, разверните этот листок, возьмите карандаш и попробуйте решить предложенные здесь занимательные задачи. За правильные решения Вам будут засчитаны очки. Троим участникам игры, которые раньше других наберут наибольшее число очков, будут вручены призы.

.....

Задача четвертая

Решите следующие шарады:

1. Мой первый слог — тревога, второй — предлог, а целое — в лесу стоит, в одном цветку зимой и летом.

2. Мой первый слог течет из Альп, второй найдешь на нотной строчке. Ударь на первый слог меня и именем прикинусь я, а на второй — колхозная земля.

Задача пятая

1. Какой писатель открыл Америку после Колумба.

2. Кто первый перевел на казахский язык «Евгения Онегина» Пушкина и из какого романа мы это узнали.

3. Какими словами кончается книга Юлиуса Фучека «Репортаж с петлей на шее»?

Задача шестая

Назовите фамилии композиторов и авторов текста следующих песен:

1. Россия
2. Орленок
3. Да здравствует наша держава

6. Анкетный лист

1. Полное наименование и адрес учреждения. Место для
2. Занимаемая должность. фотокарточка (приклеить)

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ*
1. Фамилия, имя, отчество (псевдоним). При перемене фамилии или имени и отчества указать старые и причины перемены.	
3. Сословие и соц. происхождение.	
8. Состояли ли раньше в каких-либо политических партиях, в каких именно, где, когда и причины выхода.	
9. Принадлежали ли к антипарт. группировкам, разделяли ли антипарт. взгляды Вы и Ваши ближайшие родственники. Какими парторганизациями вопрос рассматривался, когда, и их решение.	
12. Служили ли Вы в старой армии, когда, в какой части, сколько времени, в качестве кого, и какой имели чин.	
13. Служили ли Вы или Ваши родственники в войсках или учреждениях белых правительств (белых армий), в каком чине (должности), где и когда.	
14. Были ли Вы или Ваши родственники на территории белых, где, сколько времени и чем занимались.	
17. Привлекались ли к суду, следствию, были ли арестованы, подвергались ли наказаниям в судебном или административном порядке, ции когда, где и за что именно. Если судимость снята, то когда.	До револу- После револ.
18. Привлекались ли к суду, следствию, были ли арестованы, подвергались ли наказаниям в судебном порядке, когда, где и за что именно, Ваши ближайшие родственники.	

* Заполняется читателем. — А. Б.

19. Лишались ли Вы и Ваши родственники избирательных прав и за что.
22. Национальность. Ваша | Жены (мужа)
23. Подданство (гражданство). Если состояли в другом подданстве, то в каком именно и когда приняты в гражданство СССР или подданство России.
24. Жили ли за границей, когда, где, сколько времени, причина возвращения в СССР (Россию).
25. Чем занимались за границей и на какие средства существовали.
26. Кто из родственников или близких знакомых находится за границей, где, когда и чем занимается, когда и почему выехали, их адрес.
27. Имеете ли родственников или знакомых в иностранных миссиях, представительствах или среди иноподданных, их фамилии, имя и отчество.
28. Родители:
- а) фамилия, имя и отчество (указать девичью фамилию матери) Отец | Мать
- в) Каким владели ли недвижимым имуществом, когда и где.
- г) Чем занимались до революции и после.
29. Родители (жены) мужа. Отец | Мать
- в) Сословие и соц. происхождение.
- г) Каким владели ли недвижимым имуществом, когда и где.
- д) Чем занимались до революции и после.
30. Фамилия, имя, и отчество, партийность, место работы и должность, местожительство Ваших совершеннолетних сестер, братьев, сыновей и дочерей.
31. Ваше местожительство (точный адрес и № телефона).

ПРИМЕЧАНИЕ: Ответы на все вопросы должны даваться точные и подробные. Подчеркивания не допускаются.

7. Неожиданный отзыв

ПИФОЧКА, ПРИВЕТИК

Назло решила написать тебе письмо. А также выразить тебе большую благодарность за то, что ты меня проводил до вокзала. Как ты там поживаешь, что новенького в твоей журналистской деятельности. Как поживает наш общий знакомый МИХ, меня это по-прежнему волнует, между нами, девочками, говоря. Как его дражайшая любовница, оставила его в покое или все так же мучает его своей привязанностью.

Не думай, пожалуйста, что это меня очень-очень волнует, но всё же факт остается фактом. Все здесь пишется на основании этих родимых фактов. И никуда от них не денешься.

(Я благополучно доехала до Москвы, даже устроилась в гостинице, благодаря своим друзьям, но настроение было всё время в Риге.)

Мне было очень приятно, какие вы мне устроили проводы в мою честь, я этого никогда не забуду, до следующей встречи, во всяком случае. (На Первое мая я бы очень хотела поехать в Ригу, к вам, мои дорогие, но... есть но, к сожалению. И я не могу от него избавиться.) От Эли мне еще не было писем, и я не знаю никаких новостей, не знаю, как там ваша дружная семья, в мои дни она была еще цела, но Эля говорила, что распад близок, во всяком случае,

внешне всё было благополучно. Я в своём Ленинграде весьма серьезно болею за ваше благополучие и дружбу. В общем-то у вас неплохая компания, и я целиком и полностью за ее процветание. Пифочка, как твои делишки на работе. Помню, мы пили за твои успехи, они, наши надежды, сбываются понемногу. У меня в Ленинграде ничего не изменилось, послезавтра иду на работу. Может быть, от этого что-нибудь изменится, но перед праздниками, не думаю... Ты не забывай мне писать, я постараюсь отвечать, по мере возможности.

Дома меня встречали мои приятельницы по работе, с ними я провела первые два вечера, рассказывала свои впечатления, а они у меня всё же накопились за целых три недели моего отсутствия в городе Питере, как мы его дружески величаем. Сегодня я встретила своего приятеля, зашли ко мне, он мне почитал свои собственные сочинения на тему «Корзина». Ты не представляешь, как много можно написать на эту тему бесподобных вещей, слишком необычных, и в то же время близких нам по духу. Я не могу в письме подробно описать все, что там есть, скажу коротко, что там о всевозможных мыслях, лезущих в голову, например, в автобусе. С каждым это бывает, сидишь, скучно, и в результате целый рассказ, я не знаю, понял ли ты что-нибудь из моих слов. Что непонятно, просьба спрашивать в письме, а то ты вообще мне писем не пишешь.

Спасибо Элинке, что она передает вам мои письма, а то я даже адреса твоего не знаю.

Надеюсь, на это письмо я получу ответ.

Пусть оно не серьезно, но я не люблю писать серьезные письма, ты в этом скоро убедишься.

Привет от меня МИХУ, жаль, что я сама не могу ему написать.

Пифочка, поцелуй за меня свою бабушку, надеюсь, она тебя больше не ругает за позднее возвращение, вернее, за ранним утром возвращение.

С приветом, ваш друг.

22.04.61

Из цикла «Личный архив» (1962)

1. Музыка революции (1908—1918)

Вещь

ПРИДВОРНАЯ ФОРТЕПИАННАЯ ФАБРИКА
ОФФЕНБАХЕРЬ и К'

Санкт-Петербург, 20 августа 1908 г.
Господину Л. И. Битову
въ г. Здесь.

Милостивый Государь.

Настоящим фабрика имеет честь подтвердить, что она ответственна за прочность металлической рамы, купленного Вами у нея пианино за № 4857, в течение десяти лет и принимает на себя обязательство заменить лопнувшую раму — новою, в том только случае, если повреждение таковой произошло по вине самой фабрики. А также и за прочность всех поставленных материалов.

С совершенным почтением:

(В. Козырев)

Как разбогатеть в 3600 раз

С.-Петербургъ, 19 декабря 1909 г.

Г-ну Л. Битову

СЧЕТ №

Отправлено за Ваш счет и риск:

18 августа 1908 г. 1 пианино за № 4857. Ценою руб. 525. Скидка — 25. Итого — 500.

Деньги получены в разное время по отдельным выданным квитанциям.

105

Петроград, 18 июля 1918 г.

Гр-ну Петипа М. И.

РАСПИСКА

Дана настоящая в том, что мною, гр-ном Битовым Л. И., получена от гр-ки Петипа М. И. сумма 18000000 руб. (восемнадцать миллионов руб.) за проданное мною ей рояль фирмы Оффенбахер.

(Битов)

Подпись руки гр-на Битова Л. И.
удостоверяю —

Предсревдомком (Замков)

2. Не все удержалось в детской памяти (1941—1945)

Мама—Папе

...последнее время вестей ни от Тебя, ни от мамы не имеем, потому собственно особенного стимула для писания — нет. Пишу больше для очистки

совести, п. ч. когда Ты получишь, уже это будет старовато. (...) Сможем ли мы приехать, сейчас сказать трудно. Если мы здесь останемся, будем сообщать, как сюда переправить посылку — когда это будет можно. Ты в какой-нибудь выходной сходи пообследуй свой базар. Не придерживайся общепринятых деликатесных продуктов, поинтересуйся любым жиром (говяжий, свиной), пшеничными отрубями (что покупают кормить коров — вполне съедобная штука), крестьянской мукой, сушеной картошкой. Еще меня беспокоит вопрос с деньгами. (...) Дома пока тепло и топят, и опять функционирует «буржуйка», которая чрезвычайно удобная штука. (...) Брат твой переброшен в действующую Армию... Твоя мама не была у нас с 9 ноября, но Твоя сестра ее видит. Я не бываю нигде, п. ч. детей таскать, без крайней необходимости, — нельзя. Андрюша был нездоров — простудился, но очень хорошо справился — без осложнений и сейчас здоров... занимают они себя весьма недурно, ко мне относятся прекрасно. Олег не отходит от радио. Он так чудесно ориентируется в направлениях, местечках, знает всех героев, награжденных и кто что сделал для своей страны, — что всех затыкает за пояс. Собирается быть летчиком (а Андрей — «писателем»?!). Дети — забавный народ, жизнь воспринимают совсем по-своему. Пока нас жизнь милует, и нервная система их (чего я так боялась!) насколько не страдает: они все принимают легко, как стараемся и мы...

Ленинград, 30 ноября 1941 г.

Армия Гитлера*

В бой идут войска.
 Гитлер сам ведет.
 Офицеров нет.
 Два коня ведет.
 Танки, пушки — барахло.
 Роты, роты, роты...
 Лучше к жизни подошло —
 Это самолеты.
 Самоварчик — будет танк,
 А кофейник — пушка.
 Мы сегодня по пятам
 Будем бить мы русских.
 А советских увидав,
 Затряслись все разом.
 Это, верно, был удав,
 А теперь он (?) Хазе (?).
 В мозгу у Гитлера застряв,
 Шальная пуля полетела.
 Упал удав и, тьякнув: тяф,
 Упал в могилу телом.

Колхозники

СПРАВКА

26 июня 1942 г., г. Ревда Свердлов. обл.

Дана настоящая гр. Кедровой О. А.** в том, что она действительно эвакуирована с 2 детьми из Ленинграда.

Справка дана для поступления в Ревдинский совхоз.

Уполномоченный по эвакуации:
 (Герасимов)

* Стихи, однако, не мои, а будущего летчика.

** Моя мама

Победа

СПРАВКА

Дана БИТОВУ АНДРЕЮ в том, что в доме № 6, кв. 34 по улице АПТЕКАРСКИЙ ПРОСПЕКТ заразных заболеваний не имеется. ПРОВЕРКА 25/VII.

26/VII 1945 г.

Уч. Эпидемиолог

Из моей замечательной
корзины

МЕДИЦИНСКАЯ КАРТА

Район — Петроградский.

Школа — 83.

Класс — Iб.

Ф. И. О. — Битов Андрей Георгиевич.

Год рождения — 1937.

Домашний адрес — Аптекарский проспект, 6, кв. 34.

Перенес болезни: коклюш, ветрянка, корь, свинка — 1944 г.

Прививки: оспа привита 1944 г., брюшной тиф — отвод по болезни, дифтерия привита 1944 г., дизентерия — иммунитет — 1945 г.

Состояние здоровья: здоров. Туберкулиновая проба: отрицательная (—). Кожные заболевания: отсутствуют. Наличие педикулеза: отсутствует.

Вес: 25,2 кг.

Отношение к физкультуре: допускается. В пионерлагерь: допускается.

« » июля 1945 г.

Врач: (подпись)

3. Гранит науки (1947—1957)

Природа зимой

Природа зимой очень красива. Вся лиственная поросль потеряла листву, а голые сучья покрылись снегом. Но не все деревья зимой теряют листву, например, сосны и ели не теряют свои иглы, но очень часто ветви хвойных деревьев засыпает снегом, и их зеленых игл не видно. Все деревья будто оделись в шубы белоснежные, блистающие на солнце ослепительной белизной. Снег лег на огороды, на поля и на луга. Еще глубже его покров в лесу и в садах.

В большие морозы дым стоит столбом и не двигается, если же на небо взойдет солнце, то и дым, и солнце кажутся красными.

Очень красивую картину представляют из себя парки и дома, покрытые инеем.

В северных городах, деревнях и селах зимует мало птиц, только зимующие; перелетные же еще осенью улетают зимовать на юг.

Медведи зимой спят в своих берлогах.

Зимой очень приятно выйти на лыжах среди снежных убранных, по глубокому рыхлому снегу.

У нас снег бывает только зимой. Но на высоких горах и зимой, и летом лежит снег. Снег лежит неподвижно, пока никто не нарушит его покой. Но иногда достаточно бывает сильно топнуть ногой, крикнуть — и все вокруг начинает двигаться. Целая снежная река, сначала тихо, потом все быстрее обрушивается вниз. Бывают еще ледяные реки. В северных странах ледяные реки кончаются на берегу

моря. Морские волны отламывают огромные куски льда и уносят вдаль. Покачиваясь плывут по океану ледяные горы — айсберги, плывут, пока не растают.

Сочинение ученика 3-а класса Битова А.

Крепкая четверка

...Планы рассчитываются на годы и целые пятилетия. Все пятилетки с огромным воодушевлением исполнялись досрочно. Благодаря выполнению этих планов Советское государство смогло противостоять такому сильному врагу, как Германия. Фашисты просчитались в надеждах, что мы не сможем сделать этого. Наше социалистическое плановое хозяйство оказалось более жизнеспособным, чем капиталистическое. На это указывал товарищ Сталин.

Из контрольной работы по конституции на тему «Социалистическое плановое хозяйство» ученика 7-а класса 213 мужской средней школы с преподаванием ряда предметов на английском языке Битова А.

Подписчики

Настоящий футляр является упаковочным материалом для предохранения книги от порчи.

Текст с картонного супера собрания сочинений И. Сталина, 1951

Первое упоминание в печати

На геологоразведочный факультет обычно принимаются с более высоким проходным баллом. Раз принят студент, значит он серьезно подготовлен и умеет работать.

О чем же тогда говорят двойки в зачетных листах у второкурсников? А двоек у них многовато. Основная причина — отсутствие систематической работы в течение семестра, переоценка своих сил, недостаточный контроль и требовательность со стороны преподавателей.

Студент группы РТ-55-2 А. Битов потерял всякий авторитет у деканата и своих товарищей. За безделье, текущую неуспеваемость он не допущен к сессии.

*Из передовицы «Неутешительные результаты»
(Горняцкая правда. 1957. 23 янв.)*

4. Проблемы рода (1957)

Кое-что о моем дэде и прадеде с материнской стороны

Уважаемый т. Кедров!*

Деньги получила, сердечно Вас благодарю.

Знаете, крест был починен, но его снова сва-
лили, и разбился он так, что его нельзя починить,
не знаю, что делать. Могилы в порядке, я за ними
все время слежу. С сердечным приветом к Вам.

Иванова

Моя будущая теща — моей будущей жене

Убери свою комнату идеально, вымой окно,
вытри стены, выколоти матрацы, вымой полы, потом

* Кедров А. А. (р. 1906) — мой дядя.

будет некогда, довольно спать, от безделья человек
разлагается, если ты комнату не уберешь будешь
жить на кухне

довольно тебе гнусавить, будь человеком наконец

5. Для биографии на суперобложке (1957—1958)

Ученик токаря

СМЕННЫЙ ЛИСТОК

Месяц — октябрь.

Цех — 9.

Фамилия — Битов.

Табельный — № 1366.

Число	Приход	Уход	Дни
21			Понедельник
22	0.55	7.49	Вторник
23	0.30	7.58	Среда
24	0.54	8.06	Четверг
25	0.33	8.09	Пятница
26	0.47	8.03	Суббота
			Воскресенье

Начало смены — 1.00

Окончание смены — 8.00

Военнорабочий

ВЫПСКА ИЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА
343 ВОЕННО-СТРОИТЕЛЬНОГО ОТРЯДА

№ 94

19 апреля 1958 г. ст. Чикшино Печ. ж. д.

Подполковника БОБКИНА В. И. 20 апреля 1958 г. командировать в г. Вологду в Политотдел спецчастей гарнизона для принятия сверхсрочнослужащих на укомплектование отряда сроком на 8 суток с 20 апреля 1958 г.

п/п Начальник 343 ВСО
гвардии подполковник:

(ХИМИЧ)

Верно: и. о. инсп. по уч. л/с

(Битов)

6. Литература и производство (1959—1962)

Субботник, или возмещение убытков

КВИТАНЦИЯ

к приходному ордеру № 140

Принято от Битова А. Г. за изготовление разбитой им таблички кожного диспансера № 22 по счету № 522 от 19.IV руб. 66 (шестьдесят шесть)*.

22 апреля 1959 г.

Главный бухгалтер

(подпись)

* К счастью, в старых деньгах

Коллега

Несколько лет назад в окололитературных кругах Ленинграда появился молодой человек, именовавший себя стихотворцем. На нем были вельветовые штаны, в руках — неизменный портфель, набитый бумагами. Зимой он ходил без головного убора, и снежок беспрепятственно припудривал его рыжеватые волосы.

Приятели его звали запросто — Осей. В иных местах его величали полным именем — Иосиф Бродский.

*Из фельетона «окололитературный трутень».
(Вечерний Ленинград. 1963. 29 нояб.)*

Заслуженная кара

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания бюро секции прозы от 4/II-64 года

Присутствовали: Воеводин, Васютина Дружинин, Дар, Офин, Абрамов, Фарфель, Смолян, Гор.

СЛУШАЛИ: Дополнительное обсуждение рекомендации А. Битова в Союз писателей.

РЕШИЛИ: В связи с поступлением в Секретариат ЛО Союза писателей документов о нарушении Андреем Битовым общественного порядка (Письмо Петроградского отделения Милиции от 23/I-64 г.) Бюро секции считая, что поведение А. Битова и его поступки недопустимы и не достойны члена Союза Советских писателей — решает задержать рекомендацию

Битова А. в Союз писателей и вернуться к рассмотрению этого вопроса после того, как Андрей Битов своим поведением и творческой работой докажет, что он будет достоин быть принятым в члены Союза. О настоящем решении поставить А. Битова в известность и товарищей, давших ему рекомендации на прием в Союз писателей.

Председатель секции
Секретарь

(В. Воеводин)
(Е. Васютина)

Выписка верна
зав. секретариатом —

(Арямова)

Мое сегодня, 29 июля 1962 года

Лес, дорога

Вот здесь же, в Токсове, как-то, два года назад, мне было так же, как теперь, два года спустя. Спусти-я — смешно! Не смешно. Все-таки смешно. Спустил. Спустил два года.

Конечно, мне было и не так же. Но тоже не писалось. А тогда ведь еще только кончался тот период, когда мне казалось: я хожу по рассказам, ими вымощен мир. В любой, мол, момент их под рукой тыщи — возьми любой. И я жалел, что я — это не 10 человек, а то бы и написал эти тыщи. Упаси боже! Во-первых, эти тыщи... А во-вторых: как бы они ссорились, эти десять человек! Один-то возится, как десять.

Так вот, тогда, два года назад, этот период только еще начинал кончаться, так что можно считать: он еще был. И вдруг такое чудо, что мне не пишется! Теперь-то у меня даже опыт в неписьме есть. А тогда это меня прямо ошеломило. Я кис, кис — и вдруг обрадовался: ведь я же могу написать рассказ о том, как мне не пишется. Даже название придумал: «Лес, дорога». Мол, вот лес, а вот дорога, и вот мне не пишется. И еще радовался: вот какая писатель машина — и из неписьма может сделать письмо. Впрочем, в этом и какая-то правда. Так ведь, чтобы писать было нечего, не бывает. Есть немота. Писать о немоте — это какое-то преодоление. И может, мы в основном о своей немоте и пишем. О чем же писать в такое немое время? Я кис-кис, какая писатель, сделать письмо.

Рассказа я этого не написал. Хотя кто меня, подлеца, знает...

И вот сейчас... Я болен, можно сказать... Да что там! Болен, болен. Неудовлетворенностью, неполнотой, немотой. И суетой чрезвычайной. А суета, как ее ни кляни, — вещь любимая. Она ведь на месте пустоты. И только в случае пустоты. Так что она — недаром. Мы рвемся от суеты — и попадаем в пустоту. И без суеты нет ей заполнения, этой пустоте. И мы рвемся публично от суеты, и мы бросаемся ей в объятия. Может, не сознавая?.. Ладно, не мы, не мы! Я, я!.. Нем, нем.

Во мне сейчас пустыня. Можно напиться, можно влюбиться... Если не то и не то — можно суетиться. Если уж и это отпадает — застрелиться. Конечно, лучший выход — писать. Переделывать пустыню. Дубовыми защитными насаждениями. Лес, дорога. Суховети — сухо веют. Сухотка. Сухость мозга.

Ничего ведь не исчезает. В этом я уверен. Если б не уверен — то, что же? Ничего не исчезает. Где-то это все плесневеет в мозгу, неосвобожденное, неотданное... Обрываются какие-то связи — и не извлечь. Стучись, ломись, рвись, даже жалуйся — не натянуть струн. Нет связи. Кибернетика проклятая! Кир-бир... Кир-бир...

Вырабатывается прием...

Чик-чирик!

Чик-Чирик

«Я еще много, пожалуй, могу извлечь из своей башки!» — так я себя часто тешу. Чешу, почесываюсь.

Прыг-скок! Прыг-скок! Брык... с коп!.. ыт.

Севулямирбетроп! Севуля, Севочка! Се-ля-ви.

Бетатрон. До-ре-ми. Силь-ву-пле. Мир — бетон. Мир — батон.

Троп, троп, троп.

Маразм —
полнейший.

Графоман —
милейший.

Танцевальщик танцевал,
А в углу сундук стоял.
Танцевальщик не заметил —
Спотыкнулся и упал.

Я вышел из трибуны в зал,
Перевернулся и сказал:
Я помню чудное мгновенье
И мимолетное виденье.

И в этот миг
Я к вам приник.

Е-если б зна-али вы-ы-ы,
Ка-ак мне до-ороги-И-ы...
На...! На...!

Мир, труд, счастье!

Одно забыли.

Мир, труд, счастье и братство!

Опять забыли. И не забыли, а вот, попутал, не
то слово вставили.

Мир, труд, счастье, братство и... братство и...
равенство!

Не монтируется.

Мир, труд, счастье, братство, равенство и... и...
свобода....

Наконец-то. Выговорили. Тьфу, как трудно
было! Но чего-то недостает... Какой-то ясности. Оп-
ределенности, так сказать. Так все есть — а чего-то
и нет. Так-то так, да не совсем так. А пожалуй,
что так:

Мир, труд, счастье (не достаточно ли, товарищи,
и этого?)

Мир, труд, счастье, братство (может, хватит, а, товарищи?)

Мир, труд, счастье, братство, равенство (не слишком ли, товарищи?)

Мир, труд, счастье, братство, равенство и... и... свобода, мать твою так! (о-ох, товарищи... Ох!)

Раз уж перебрали, то добавьте.

Мир, труд, счастье, братство, взаимопомощь, равенство и... свобода.

Недобрали.

Мир, труд, счастье, взаимопомощь, братство, равенство и свобода... (кого, чего? Свобода, говорю, кого-чего?)

...всех народов (Вздых зала: Все-ех).

Так бы и говорили, товарищи... А то что же получается? А так все на месте:

Мир, труд, счастье, взаимопомощь, братство, равенство и свобода всех народов!

Урара-а-а!!!

Нельзя же: «Свобода, равенство, братство!» Было уже. Да ведь надо исходить и из конкретных условий...

.....
.....
.....

УР-Р-РА-А-А!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Чик-чирик! товарищи...

Ты у меня дочерикаешься!!

Си-ижу за решеткой,

В те-емнице сы-ырой,

Такой-то такой-то

Орел мо-алодой...

Чик-чирик!

А вот у нас на предпраздничном вечере самодеятельности всех зеков собрали: кто поет и пляшет, а кто сидит и смотрит. И вот был у нас такой Костя Отвали, так он тоже выступал. Стихи с выражением читал. Очень он это здорово делал. Начальству нравилось необычайно. И вот объявляют: Стихотворение Александра Сергеевича Пушкина, — и он это самое «Сижу за решеткой» читать начал. Да как! Все плачут, рыдают и хотят на свободу. А он все с большим и большим подъемом читает. И вот уже последняя строчка, и он уже кричит с болью и страстью:

Пора-а, бля-а! пора-а!!!

Голос сверху, снизу и сзади:

— Только тихо! Не пой с чужого голоса. Ты сам-то сидел хоть?..

— А я что? Я тихо... Просто себе напеваю. Разве вы не слышите:

Бля-бля... Бе...

Сидели на трубе...

А...

А: — Вот тебе и А... Говорю тебе: без будды, пожалуйста, без будды, дорогой...

Без Б (бе)

Б (оправдываясь): — У меня в распоряжении целый этаж. Три двери, два балкона, один солярий, одна лестница и четыре окна — на четыре стороны света. С каждой стороны торчат верхушки какой-нибудь зелени. Ничто не мешает. Иногда внизу кричит дочка. Мой стол стоит прямо в центре. «Как это ты догадался поставить его в центр, я бы никогда не догадалась», — говорит теща. Вокруг стола с четырех сторон веревки: на них иногда вешают пеленки. Это меня веселит. Вчера передо мной ви-

сели совсем не детские трусы. В мои обязанности входит колоть дрова, носить воду и керосин, иногда ходить в магазин. Если учесть, что гораздо большие помехи не мешали мне раньше писать, то сейчас мне ничто не мешает.

А: — Скажи мне, пожалуйста, что тебе мешает? Ведь, кажется, все у тебя есть, все о тебе заботятся, тебе не приходится ни о чем думать... Все условия тебе созданы. На тебя работали папа, мама и вся страна. Дали тебе образование. Одели тебя и обули. Накормили. Чего тебе не хватает, в смысле недостатает? Скажи, пожалуйста. Мы потратили на тебя всю свою жизнь...

Б (молчит).

А: — Ведь теперь ты уже большой. Мы не можем тебе уже помочь. Когда ты был маленький, нам было ясно, чего тебе надо. Сейчас ты уже взрослый, и ты уже живешь сам. У тебя есть семья. У тебя есть свой опыт. У тебя есть свое дело. Ты смотришь на мир по-своему. Мы уже ничем не можем тебе помочь. Мы тебя любим, но ничем не можем...

Б (молчит).

А: — Теперь уже все зависит от тебя. Если ты виноват, ты виноват сам. Что тебе мешает, дорогой?

Б: — Дорогие мамочка, папочка, тетеньки и дяденьки, дедушки и бабушки, тещиньки и — как вас? — папы жен, дорогие граждане и гражданочки! Ничто мне не мешает. Я вам очень благодарен и признателен. Мне от вас ничего не нужно. Я буду вам благодарен до конца дней своих. Если я чего-нибудь от кого-нибудь хочу, то это от себя. Но и в этом я не уверен. У меня подрезаны крылья, дорогие гражданочки.

А: — Нет, вы мне скажите, кто вам их подрезал? А? Может, я, который всю жизнь работал и проливал кровь за таких, как вы? Может, я, который ни разу о себе не подумал?

Б: — Что вы перебиваете? Вы не перебивайте. Мне и так трудно собраться с мыслями. А если так... то, может быть, и вы. Почему же это вы о себе-то не думали. Может, этого мне и нужно было, чтобы вы о себе думали, а не обо мне. Как же вы о других-то можете думать, если вы о себе не думали ни разу?

А (молчит обиженно).

Б: — Ладно, ладно... Не вы. Я не прав. Я действительно не о том хотел сказать. Ну, хотите, я еще раз извинюсь. Ну, хотите, я на колени встану? Мне это ничего не стоит, честное слово. Ах, вам надо, чтобы стоило. И это вы так о себе не думаете? Ну, ладно, если по-честному, это мне дорого стоит. Вернее, стоило. Да и, в конце концов, я не вам это говорю. Пойдите и пройдитесь. Подышите, так сказать. И подумайте о себе.

А (уходит оскорбленный).

Б: — Господи, как он меня сбил... О чем же это я? Нервы все. Единственное интеллектуальное приобретение в наш век. Так вот, гражданочки, никто из нас не доезжает до города. И это грустно. Может даже, если брать только одну сторону вещей, именно это их и подрезает. Так называемые крылья. Уверенность существует только в пору щенячества. Дальше сразу начинается невозможность. Конечно, существует благородное служение количеству ради будущего качества. Кости, если расшифровать. Удобреньце. Не пропадет ваш скорбный труд. Маленькое, но нашенькое. Благородная нищета: в за-

платах, но чистенькое. Но что же сделано хорошо без уверенности, хотя бы и тщательно и робко скрываемой, что тебе за это суждено бессмертие?

(Возвращается А, дружески все простив, берет под ручку Б).

БА: — Не верите? Представьте, что вы умираете. И что же в таком случае можно от человека еще отнять? Пусть сожгут ваши рукописи. И вы поймете, как много у вас еще осталось.

АБ: — Впрочем, чего не надо, так это говорить о смерти. Это пижонство, дорогой.

БА: — Обращение «дорогой» без всякого повода — это тоже пижонство. Какой я тебе на... дорогой! Когда ты меня ненавидишь.

АБ: Я тебя? Помилуй...

БА: — Тогда я тебя ненавижу. Я не я, а труп с квалифицированной сиделкой. Кому там помогают припарки? Душа сдохла, а тело ее охаживает. В иное время жену хоронили вместе с мужем. Тоже ведь проекция самоубийства. Дорогой человек уже мертв, — так почему бы не убить второго, насильника трупов (так это называется), не убить второе, телесное, я?

АБ: — Ну, если тебе не нравится «дорогой», то милый... Милый мой, ну, скажи, разве говорить о самоубийстве — это ли не пижонство? Ну, что о нем говорить? В некой цивилизованной стране существует даже право на него. Это временное, дорогой и милый, поверь мне. Это только в первый раз страшно. А потом в этом будет такой же опыт, как, ты признался, у тебя в неписьме. Ты просто еще ребенок.

БА: — А ты умудрен до тупости.

АБ: — Ах, прости!.. Ну просвети меня...

БА (с чрезмерным выражением):

Вот здесь когда-то

На самую крышу

Начальной школы

Я мяч забросил...

Что-то с ним случилось?

АБ: Чего-нибудь японского?.. Рыбного?.. И ты думаешь, что он может до сих пор там лежать?

БА: Он там лежит.

АБ: Интересно... Что же ты лепешь о смерти, если он у тебя там лежит?

БА: Боюсь, как бы ты его не спер.

АБ: А ты меньше выбалтывай сокровенных тайн.

Тогда не сопрут.

БА: Тогда-то и сопрут.

АБ: С тобой поговоришь...

БА: А фу-ли!..

(Входит невозможных размеров И.)...

Содержание

Автобиография	5
-------------------------	---

Из цикла «Люди, которые...»

Люди, побрившиеся в субботу	11
Люди, которых я не знаю	15
Голубая кровь	20
Чужая собака	24
Собрание фраков	26
Любители	29
Такие дела	32
Китайцы	35
Черный день	36
Кощей бессмертный	39
Родинка	43
Однокашники	45
Разводы	46
Пафли	50
Воспоминание о бочке	54
Автобус	57

Из моей замечательной корзины

Моя замечательная корзина	77
Чернильница	78
Из цикла «Пипифакс» (1962)	80
Из цикла «Пипифакт» (1962)	83
Из цикла «Подлинник»	91
Из цикла «Личный архив» (1962)	104
Мое сегодня, 29 июля 1962 года	116

**Андрей
Георгиевич
Битов**

**Первая книга
автора**

Художники
Д. М. Плаксин, С. Д. Плаксин
Редактор *Н. Р. Бочкарева*
Художественный редактор
В. Г. Лошкарева
Корректор *О. К. Королева*
Компьютерная верстка
А. Н. Киселевой
Компьютерная обработка
иллюстраций *Ю. Г. Огурцова*

Лицензия АР №064183
от 2.08.95 г.
Подписано к печати 11.03.96.
Формат 70 × 108 ¹/₃₂.
Гарнитуры *Musi'* и *Futura*.
Печать офсетная.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,6.
Изд. № 2.
Тираж 3 000 экз.
Заказ № 3317
«Издательство
Ивана Лимбаха»
191014, Санкт-Петербург,
Саперный пер., 14
Отпечатано с готовых
диапозитивов в АООТ
«Иван Федоров»
191126, Санкт-Петербург,
Звенигородская ул., 11.

